Ген.-Лейт. Н. Н. ГОЛОВИНЪ.

Мысли объ устройствѣ будущей Россійской Вооруженной силы.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ.

ИЗДАНІЕ 4-е
РУССКАГО ВОЕННО-НАУЧНАГО ИНСТИТУТА

Бѣлградъ.
1939.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣль труда 3
Военная доктрина 5
Качество войскъ 22
Значеніе современнаго огня 43
Количество войскъ 56
Характеристика нашего главнаго пограничнаго театра военныхъ дѣйствій 72

Ген.-Лейт. Н. Н. ГОЛОВИНЪ.

Мысли объ устройствѣ будущей Россійской Вооруженной силы.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ.

ИЗДАНІЕ 4-е
РУССКАГО ВОЕННО-НАУЧНАГО ИНСТИТУТА

Бѣлградъ.
1939.

Tous droits réservés
Copiryght cy author, Paris, 1939

Типографія „М е р к у р ъ“ Бѣлградъ, Топличинъ венацъ 10

Очеркъ 1-й.

Цѣль труда.

Задачи труда. Задачей предпринимаемаго труда является намѣтить тѣ пути, по которымъ должно пойти возрожденіе Россійской Вооруженной Силы.

Переходный періодъ и основной планъ созиданія русской вооруженной силы. Несомнѣнно, что этотъ созидательный процессъ вынужденъ пройти черезъ болѣе или менѣе продолжительный переходный періодъ, обуславливаемый внутренними политическими обстоятельствами, въ которыхъ будетъ происходить возстановленіе освободившейся изъ подъ ига III-го Интернаціонала Россіи. Въ этотъ переходный періодъ новая власть будетъ нуждаться въ оказавшейся на лицо къ моменту переворота вооруженной силѣ для обезпеченія въ странѣ закона и порядка. Срочность и напряженность требованій минуты вынудятъ также новую власть прибѣгать къ упрощеннымъ методамъ формированія и устройства войсковыхъ частей, примѣняя въ этомъ отношеніи пріемы, выработанные опытомъ гражданской войны.

Но эти пріемы во многомъ отличны отъ методовъ веденія серьезной войны на внѣшнемъ фронтѣ. Изученіе войнъ эпохи Французской революціи показываетъ, что Французской арміи пришлось пережить трудный періодъ, въ теченіе котораго она нѣсколько разъ была на краю гибели; если не случилось разгрома, то только потому, что враги Франціи въ этотъ періодъ оказались въ военномъ отношеніи совершенно несостоятельными. Высокій патріотическій подъемъ сопровождавшій Французскую Революцію, помогъ французской арміи использовать опытъ войны на внѣшнемъ фронтѣ и переродиться въ настоящую національную вооруженную силу, оказавшуюся затѣмъ въ рукахъ Наполеона почти непобѣдимой.

Несостоятельность вооруженной силы, построенной на принципахъ веденія гражданской войны. еще болѣе подтверждается на опытѣ Красной Арміи. Выигравъ въ концѣ концовъ войну на внутренемъ фронтѣ, она оказалась несостоятельной въ борбѣ съ врагомъ внѣшнимъ: на Наровѣ она не въ силахъ разбить преградившую ей путь наскоро сформированную Эстонскую дивизію; на востокѣ всякая встрѣча съ японцами, хотя и во много разъ слабѣйшими числомъ, неизмѣнно кончается быстрымъ разгромомъ; наконецъ, въ Польскую войну, несмотря на низкое качество только что созидавшейся тогда польской національной арміи, наступленіе къ Варшавѣ кончается катострофическимъ бѣгствомъ.

Опытъ гражданской и опытъ большой войны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что опытъ гражданской войны долженъ быть учтенъ. Но не надо забывать что гражданская война, какъ и колоніальная, не можетъ дать той полноты опыта современной войны, которую даетъ война съ внѣшнимъ врагомъ серьезной силы и использующимъ современные методы веденія войны и организаціи арміи. Въ подобной „большой" войнѣ все государство напряжено съ верху до низу и охвачено единой цѣлью и волею. Тутъ воюютъ не арміи, а цѣлые вооруженные народы со всѣми своими организованными государственными аппаратами, активно напрягая всѣ свои силы и средства. Въ колоніальной войнѣ, какъ и въ гражданской, борятся лишь арміи и классы. Хотя въ гражданской войнѣ населеніе страны страдаетъ не меньше, чѣмъ въ „большую войну", но степень всенароднаго организованнаго напряженія несравнено меньше; общій развалъ государства особенно этому препятствуетъ. Поэтому ни колоніальная, ни гражданская война не двигали такъ рѣзко и радикально впередъ военную науку, какъ это дѣлали войны „большія". Другое напряженіе народа, другой масштабъ. Съ этой точки зрѣнія наша Японская, равно какъ и Англо-Бурская, быстро приняли характеръ „большихъ войнъ". Но наша борьба на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, въ Китаѣ, борьба англичанъ въ Индіи и ихъ борьба съ махдистами въ Суданѣ, борьба французовъ въ Мароко — все это войны колоніальныя. Значительно меньшая степень организованости борьбы, численности силъ и мощности средствъ, съ которыми ведутся колоніальныя войны и гражданскія, придаютъ имъ характеръ веденія „малой войны", въ своихъ формахъ напоминающей войны прошедшихъ вѣковъ.

Предостереженія противъ переоцѣнки опыта гражданской войны.

Вопросомъ особой важности является, чтобы новая власть въ тяжелый для нея періодъ не утеряла подъ вліяніемъ потребностей ближайшаго дня государственной точки зрѣнія и не сошла съ пути, ведущаго къ созиданію вооруженной силы, годной для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ. На мѣры, которыя она должна будетъ принимать въ переходный періодъ, она должна смотрѣть, какъ на мѣры временныя, какъ на компромиссы, отъ которыхъ она должна будетъ отказаться сейчасъ же, какъ только путь мирнаго строительства будетъ расчищенъ. Болѣе того: уже въ переходной періодъ должно быть приступлено безъ промедленія къ созиданію вооруженной силы, отвѣчающей требованіямъ веденія современной „большой" войны. Между тѣмъ, опасность для новой власти утратить правильную точку зрѣнія велика. Первое время послѣ переворота въ командномъ составѣ непремѣнно будетъ господствовать тенденція преувеличивать значеніе опыта гражданской войны. Большая часть лучшаго офи-

церскаго состава, на которомъ будетъ строиться будущая Россійская Армія, участвовала въ гражданской войнѣ на той или другой сторонѣ внутренняго фронта. Болѣе близкій опытъ. связанный съ чрезвычайно тяжелыми личными переживаніями, заслонитъ собой опытъ войны болѣе дальній и вызывающій несравненно болѣе сложныя размышленія. Отразится и тотъ фактъ, что въ Красной Арміи, по причинамъ чисто политическаго характера, опытъ гражданской войны искусственно раздувается и вокругъ него создаются цѣлыя легенды. Эти легенды, хотя и въ измѣненномъ видѣ, останутся долго жить въ средѣ офицеровъ состава бывшей Красной Арміи и послѣ переворота.

Повидимому, руководители Красной Арміи начинаютъ также понимать, что на опытѣ гражданской войны настоящей вооруженной силы не построишь. Объ этомъ свидѣтельствуютъ рѣчи Троцкаго (Бронштейна) и Фрунзе, произнесенныя въ 1924 году въ Красной Военной Академіи. Особенно показательна въ этомъ отношеніи рѣчь Фрунзе, изображающаго въ настоящую минуту нѣчто вродѣ начальника Генеральнаго Штаба и въ то же время и начальника Военной Академіи.

Но трагизмъ положенія большевиковъ и заключается въ томъ, что при ихъ режимѣ невозможна никакая научная работа. Въ отвѣтъ на выраженныя Троцкимъ и Фрунзе пожеланія они могутъ услышать лишь хоръ льстецовъ и политикановъ, подыгрывающихся къ „сильнымъ“ въ настоящую минуту.

Такимъ образомъ, научная разработка богатѣйшаго опыта минувшей большой войны въ настоящее время въ Россіи не можетъ быть произведена. А, между тѣмъ, такая работа должна быть произведена заблаговременно, такъ какъ новая національная власть, которая придетъ на смѣну III-му Интернаціоналу, должна сразу видѣть пути, по которымъ необходимо должно пойти возрожденіе вооруженной силы освобожденной Россіи.

Очеркъ 2-й.

Военная доктрина.

Что такое военная доктрина.

Какъ только Суворовъ вступалъ въ командованіе войсками, онъ тотчасъ же разсылалъ имъ свою „Науку побѣждать“. Послѣдняя, изложенная своеобразнымъ Суворовскимъ языкомъ, понятнымъ рядовому нижнему чину, представляла собой своего рода катехизисъ, который всѣ генералы, офицеры и унтеръ-офицеры обязаны были знать наизусть, рядовымъ же соотвѣтствующія выдержки изъ этого катехизиса должны были читаться ежедневно.

Какое первостепенное значеніе придавалъ Суворовъ пониманію и усвоенію своей „Науки побѣждать“, свидѣтельствуютъ слѣдующія заключительныя слова этого катехизиса: „За немогузнайку офицеру арестъ, а штабъ-офицеру арестъ квартирный. Ученіе свѣтъ. Неученіе тьма. Дѣло мастера боится. И крестьянинъ, не умѣетъ сохой владѣть, — хлѣбъ не родится. За ученаго трехъ не ученыхъ даютъ. Намъ мало трехъ. Давай намъ шесть, давай намъ десять на одного. Всѣхъ повалимъ, побьемъ, въ полонъ возьмемъ. Въ послѣднюю кампанію непріятель потерялъ счетныхъ семьдесятъ пять тысячь, только что не сто: а мы и одной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, военное обученіе. Господа офицеры, какой восторгъ!“

Суворовская „Наука побѣждать“ не есть уставъ: Суворовская „Наука побѣждать“ есть Суворовская доктрина.

Слова „военная доктрина“ были очень долго не въ почетѣ у насъ. Тутъ, конечно, имѣло нѣкоторое значеніе иностранное происхожденіе слова „доктрина“ и то, что пониманіе этого слова смѣшивялось съ понятіемъ „доктринерства“. Опасаемся, что и до сихъ поръ въ массахъ нашего офицерства слово „доктрина“ пользуется такимъ-же успѣхомъ, какъ слова „жупелъ“ и „металлъ“ въ комедіи Островскаго у замоскворѣцкой купчихи. Не любовь къ методичной упорной и долгой работѣ, а наоборотъ, пристрастіе къ „авось“, да „небось“, прикрываемое ожиданіемъ наитія свыше, являются, къ сожалѣнію, нашими отрицательными національными свойствами. Вслѣдствіе этого наше обычное отношеніе къ вопросу „доктрины“ является своего рода національнымъ предразсудкомъ. Примѣръ Суворова — этого величайшаго русскаго полководца, не уступающаго въ своемъ геніи другимъ великимъ полководцамъ міровой исторіи, тѣмъ болѣе поучителенъ.

Доктрина представляетъ собой чисто практическое приложеніе отвлеченныхъ выводовъ науки къ условіямъ опредѣленной войны. Военная доктрина создается для данной войны; если можно выразиться: для войны съ маленькой буквы и предшествуемой какимъ либо прилагательнымъ. Наука создается для войны вообще, для войны съ большой буквы. Условіями, обусловливающими созданіе доктрины, являются: свойства войскъ своихъ и противника, сила и свойства находящагося на лицо вооруженія, государственныя, національныя и экономическія условія, въ которыхъ приходится вести данную войну, условія театра войны: т. е. все, что можно обобщить въ словахъ — „реальная обстановка войны“. Вотъ почему, если военная наука не можетъ различаться отъ того, преподается ли она въ Военной Академіи въ Петроградѣ, въ Парижѣ или въ Берлинѣ, то доктрины русская, французская и нѣмецкая неминуемо будутъ заключать въ себѣ различныя черты. Болѣе того: доктрины одной и той же арміи въ различныя войны должны между собой отличаться. Въ современную же эпоху, вслѣдствіе быстраго совершенствованія те-

хники, передъ каждой кампаніей должна вырабатываться новая или, по крайней мѣрѣ, обновленная доктрина.

Противники доктрины указываютъ, что высшее военно-научное образованіе должно обнимать собой пониманіе, какъ вести войну при всякой обстановкѣ. Въ своемъ требованіи къ высшему военному образованію они правы. Но въ своемъ выводѣ они грѣшатъ тѣмъ, что упускаютъ изъ виду, что дѣйствительное усвоеніе военной науки въ ея высшемъ отвлеченіи удѣлъ немногихъ. Массы же людей нуждаются въ болѣе узко практическихъ указаніяхъ. Это требованіе получаетъ особое значеніе въ условіяхъ современной войны, когда на борьбу выступаютъ не прежнія профессіональныя арміи, а вооруженные народы.

Военная наука создается по преимуществу путемъ анализа. Военная доктрина представляетъ собой результатъ синтеза. Среди всѣхъ многочисленныхъ методовъ, на которые указываетъ военная наука, созидатели доктрины избираютъ комбинацію методовъ, которые, по ихъ мнѣнію, являются наиболѣе приложимыми въ обстановкѣ данной или ожидаемой войны. Какъ всякая синтетическая работа, созиданіе военной доктрины требуетъ наличія не только научно-аналитическаго ума, но и практически-созидательнаго таланта. Безъ этого военная доктрина превратится въ трафаретъ, противъ чего боролись всѣ великіе полководцы, хотя каждый изъ нихъ создавалъ свою собственную доктрину.

Разительный примѣръ мы можемъ увидѣть въ военной исторіи, прослѣдивъ, какъ доктрина Фридриха II Прусскаго въ рукахъ его наслѣдниковъ, по мѣрѣ измѣненія условій войны, съ пути громкихъ побѣдъ короля-философа привела на путь разгрома у Іены и Ауэрштэдта.

Точка зрѣнія Мольтке на созиданіе военной доктрины.

Военному генію свойственна не только чрезвычайная чуткость къ текущимъ требованіямъ жизни, но и предвидѣніе грядущихъ измѣненій въ этихъ требованіяхъ. Соотвѣтствующая доктрина созидается ими также интуитивно, какъ творитъ свое произведеніе геніальный писатель или художникъ. Но вытекаетъ ли отсюда, что для созданія доктрины армія должна ждать появленія великаго полководца? У насъ очень много сторонниковъ подобной точки зрѣнія. Иначе посмотрѣли на это дѣло нѣмцы. Мольтке считалъ, что участь государства не можетъ быть поставлена на карту въ зависимости отъ рѣдкой счастливой случайности — появленія во главѣ арміи геніальнаго полководца. А между тѣмъ, Пруссія времени Мольтке стояла передъ эпохой кровавой борьбы за созданіе единства Германіи. И вотъ Мольтке стремится поставить участь Пруссіи внѣ зависимости отъ случайности. Въ основу организаціи высшаго управленія Прусской, впослѣдствіе Германской, вооруженной силы онъ кладетъ расчетъ на коллективную работу многихъ людей, на-

учно образованныхъ, часто талантливыхъ. Собственно говоря, избранный имъ путь — путь свойственный всѣмъ областямъ современной жизни.

Точка зрѣнія Мольтке не отрицаетъ великаго значенія генія. Если ему суждено явиться, то онъ только найдетъ въ подготовленной Мольтке средѣ мощную помощь. Ему не будетъ грозить трагическая судьба геніальнаго Наполеона. А если генію не суждено придти, то всетаки возможны хотя и не ошеломляющіе своимъ блескомъ результаты, то все-же достиженіе побѣды, пути къ которой являются при такихъ условіяхъ не заказанными; ибо, какъ сказалъ Виллизенъ: „отъ знанія до искусства разстояніе гораздо меньше, чѣмъ отъ невѣжества".

Правильность этой точки зрѣнія проста до самоочевидности. Трудности заключались въ ея осуществленіи. Успѣхъ на войнѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, зависитъ отъ осуществленія единства дѣйствій. Поэтому въ военномъ дѣлѣ путь коллективной работы чреватъ большими опасностями. Геніальность Мольтке и заключается въ томъ, что онъ находитъ нужный регуляторъ. Этимъ регуляторомъ и должно было служить единство доктрины. Для постоянной творческой работы надъ нею онъ создаетъ свой Большой Генеральный Штабъ. Эта основная задача Большого Германскаго Генеральнаго Штаба служитъ той научной лабораторіей, въ которой должно было выковываться единство точки зрѣнія командnаго состава германской арміи, оставалась долго не вполнѣ понятой сосѣдямъ. Германіи. Съ чувствомъ радости констатируетъ это самъ Мольтке незадолго передъ смертью, утверждая, что, хотя вѣроятные враги Германіи многое заимствовали у нея, но создать Большого Генеральнаго Штаба въ истинномъ значеніи этого слова они не смогли.

Опытъ войны 1870—77 г. и минувшей полностью подтвердили правильность точки зрѣнія Мольтке.

Война 1870—71 гг. потвердила всѣ расчеты Мольтке. Общее управленіе германскими арміями, вторгнувшимися во Францію, часто выскальзываетъ изъ рукъ Верховнаго Главнокомандующаго Короля Прусскаго и его начальника штаба Мольтке. Первыя крупныя сраженія Шпихернъ, Вертъ, Коломбай-Нуйли и Марсъ-Ла-Туръ разыгрываются для верховнаго командованія случайно. Тѣмъ не менѣе, единство дѣйствій быстро возстановливается, ибо на разныхъ точкахъ театра военныхъ дѣйствій различные начальники рѣшаютъ представшія неожиданно передъ ними задачи одинаково и въ духѣ высшаго командованія. Война 1870—71 гг. крайне поучительна еще и въ томъ отношеніи, что она уже воочію показала, что веденіе современной войны массовыхъ армій при господствующемъ значеніи огня на поляхъ сраженія настолько усложнилось, что даже генію трудно справиться съ свой задачей при отсутствіи подготовленныхъ

въ единой доктринѣ начальниковъ. Геніальность же самого Мольтке сказалась прежде всего въ провидѣніи „научнаго" характера веденія современной войны и въ осуществленіи этого на дѣлѣ. Вѣрная завѣтамъ своего великаго полководца Германія со свойственной ей методичностью шла дальше по этому пути. Вспыхнула Міровая война. Генія въ Германіи не оказалось. Война въ концѣ концовъ была ею проиграна. Но нужно отдать справедливость, что побѣда надъ Германіей была достигнута напряженнѣйшими усиліями почти всего міра и притомъ съ большимъ трудомъ. Несмотря на конечное пораженіе Германіи, утвержденія стараго Мольтке остаются вѣрными. Въ этомъ можно убѣдиться, изучая любую нѣмецкую операцію минувшей войны. Въ особенности рельефно выступаетъ значеніе школы фельдмаршала Мольтке въ операціи 8-ой германской арміи противъ арміи генерала Самсонова.

Для подробнаго ознакомленія съ этой операціей мы отсылаемъ къ нашей книгѣ *„Изъ исторіи кампаніи 1914 г. на русскомъ фронтѣ; начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи"*. Ни Гинденбугъ, ни тѣмъ болѣе Людендорфъ не одарены геніальностью; работа воспитаннаго въ единой доктринѣ командnаго состава восполняетъ это. Идея операціи рождена коллективно, на разныхъ точкахъ театра военныхъ дѣйствій, 8 августа (стараго стиля) генералъ Шольцъ, командиръ XX-го германскаго корпуса, находившагося непосредственно на путяхъ наступленія арміи генерала Самсонова, посылаетъ телеграмму командующему 8-ой германской арміей генералу Притвицу съ предложеніемъ сосредоточнть свой корпусъ въ раіонѣ Гильгенбурга для удара въ лѣвый флангъ Самсоновской арміи въ случаѣ, если она пойдетъ на Алленштейнъ. Генералъ Притвицъ, хотя и рѣшившій подъ впечатлѣніемъ неудачи корпуса Макензена подъ Гумбиненомъ отойти къ Вислѣ, немедленно соглашается на это, причемъ осуществленію предложенія Шольца благопріятствуетъ уже рѣшенная наканунѣ Притвицомъ перевозка 1-го германскаго корпуса къ правому флангу Шольца, а также направленіе 3-ей резервной дивизіи къ Алленштейну. 8-го же августа, изъ Кобленца начальникъ штаба Кайзера указываетъ Притвицу на ту же идею, настаивая при этомъ на притягиваніи къ группѣ Шольца еще двухъ корпусовъ: XVII-го и I-го резервнаго. Въ тотъ же день, 8 го августа, повидимому смущенный моральной подавленностью Притвица, генералъ Мольтке запрашиваетъ мнѣніе командира I-го германскаго корпуса генерала Франсуа, слѣдующаго въ это время въ поѣздѣ по желѣзнодорожной линіи Инстербургъ — Кенигсбергъ. Франсуа ничего не знаетъ о предложеніи Шольца; тѣмъ не менѣе, онъ въ своемъ отвѣтѣ настаиваетъ на приближеніи станцій высадокъ I-го корпуса къ правому флангу XX корпуса и высказваетъ мысли совершенно отвѣчающія пожеланіямъ генерала Шольца. Когда Гинденбургъ и Людендорфъ пріѣзжаютъ въ Маріенбургъ, гдѣ первый вступаетъ въ командованіе 8-ой арміей на мѣсто отрѣшеннаго Притвица, имъ остается лишь продолжать уже принятое рѣшеніе.

То же поразительное единство взглядовъ командnаго состава мы обнаружимъ, если проанализируемъ управленіе 8-ой арміей во время самаго сраженія. Три раза распоряженія штаба 8-ой арміи облегчаютъ выходъ центральныхъ корпусовъ арміи Самсонова изъ мѣшка, въ который они залѣзли, но окруженіе ихъ все-таки состоялось, такъ какъ на двухъ противоположныхъ флангахъ генералъ Франсуа (1-й корпусъ) и генералъ Макензенъ (XVII корпусъ), находясь ближе къ мѣстамъ рѣшительныхъ дѣйствій, по собственному почину измѣняютъ поставленныя имъ свыше оперативныя задачи; оба они рѣшаютъ задачу совершенно тождественно, въ духѣ доктрины своего непосредственнаго учителя бывшаго начальника Генеральнаго Штаба генерала Шлифена *), проводившаго въ германской арміи идею веденія сраженія съ наиболѣе рѣшительнымъ результатомъ, а именно съ производствомъ двойного охвата противника (Канны). Не будетъ парадоксомъ утверждать, что побѣда надъ арміей Самсонова одержана: стратегически фельдмаршаломъ Мольтке, тактически — фельдмаршаломъ Шлифеномъ.

Итакъ, военная доктрина есть комбинація пріемовъ боевыхъ дѣйствій, которая устанавливается верховнымъ руководствомъ вооруженной силы не для войны вообще, а для опредѣленной войны.

Если представить себѣ эту мысль графически, то ее можно было-бы изобразить такъ: въ обширномъ кругѣ, заключающемъ въ себѣ всѣ безчисленные методы, указываемые военной наукой, верховное руководство проводитъ внутренній кругъ, ограничивающій въ себѣ методы, которые, по его мнѣнію, являются наиболѣе отвѣчающими ожидаемой обстановкѣ. Само собой разумѣется, что остальные методы не исключаются, но предпочтеніе, отдаваемое нѣкоторымъ изъ нихъ, облегчаетъ подготовку вооруженной силы, сводя предъявляемыя къ ней требованія съ пути очень широкихъ абстракцій на путь болѣе опредѣленныхъ требованій. Изъ заоблачныхъ высей философскаго отвлеченія научные выводы низводятся на землю съ неизбѣжными ея грѣхами и треніями. Отвѣтственность, которую беретъ на себя въ этомъ случаѣ верховное руководство, очень велика. Если оно ошибается, то заложитъ начало пораженій, а не побѣдъ. Человѣческая слабость заставляетъ иногда вождей уклоняться отъ отвѣтственнаго творчества, стремясь переложить эту отвѣтственность на подчиненныхъ. Благодаря этому сохраняется возможность формальнаго оправданія передъ современниками ссылкой на то, что

*) Фельдмаршалъ графъ фонъ Шлифенъ, восторженный послѣдователь школы фельдмаршала Мольтке, умеръ въ 1913 году. Послѣдняя его научная работа представлявшая собой высшее завершеніе германской военной доктрины, подъ заглавіемъ „Канны“ была напечатана въ офиціальномъ журналѣ нѣмецкаго Большого Генеральнаго Штаба „Virteljahrshefte für Truppenführung und Heereskunde“ въ 1909 г. стр. 527—572. 1910 г.—стр. 11—30, 1911 г.—стр. 355—365, 1912 г.—стр. 185—214 съ окончаніемъ въ 1913 году.

подчиненые не согласовали свои дѣйствія съ обстановкой. Эта формула всеобъемлюща, а потому и является излюбленной, но исторія не вынесетъ оправданія подобнымъ вождямъ, ибо только высшее руководительство военной силой можетъ предвидѣть тѣ данныя, которыя обуславливаютъ тотъ или другой характеръ ожидаемой въ ближайшемъ будущемъ войны.

Уставы (наставленія, инструкціи, положенія) какъ внѣшнее выраженіе военной доктрины.

Въ прежнія эпохи созидать и проводить въ жизнь свою доктрину могъ единолично полководецъ. Уставы представляли собой лишь предписанія узко формальнаго характера (строи, перестроенія и т. д.). Но, по мѣрѣ усложненія веденія войны, даже такъ называемые строевые уставы теряютъ свой исключительный формальный характеръ. Стоитъ только посмотрѣть хотя бы современные германскіе и французскіе уставы родовъ войскъ. Части ихъ, касающіяся боевыхъ дѣйствій, приняли характеръ учебниковъ тактики. Такимъ образомъ, устанавливаемая доктрина уже въ строевыхъ уставахъ находитъ свое яркое отраженіе. Въ современную эпоху уже невозможенъ случай, имѣвшій мѣсто въ Наполеоновскую эпоху, когда французская Императорская армія, ведшая свои бои на началахъ глубокой тактики, до конца своего существованія въ 1815 году имѣла въ своемъ распоряженіи уставъ 1791 года, построенный всецѣло на принципихъ линейной тактики. Подобное ненормальное положеніе вещей было и тогда терпимо лишь потому, что армія Наполеона почти все время находилась на войнѣ, и войска усвоили доктрину своего полководца чисто практически, на боевомъ опытѣ.

Насколько выше Наполеона былъ въ этомъ отношеніи нашъ Суворовъ со своей „наукой побѣждать“. Съ дальнѣйшимъ теченіемъ исторіи жизнь ярко подтвердила это. Мольтке подготовляетъ прусскую армію къ побѣдамъ 1866 и 1870—71 гг., несмотря на то, что эта армія пребываетъ 50 лѣтъ въ мирѣ. Для настоящей эпохи методы Суворова и Мольтке являются единственными соотвѣтствующими. Эти методы, въ отличіе отъ прежнихъ методовъ, узко практическихъ, могутъ быть названы научными.

Значеніе военной науки для созданія доктрины стало въ настоящую эпоху еще болѣе значительнымъ. Съ усложненіемъ матеріальной части чрезвычайно усложнились методы боевыхъ дѣйствій и увеличилось число комбинацій, между которыми приходится выбирать созидателю доктрины. Быстрота же совершенствованія матеріальной части приводитъ къ тому, что опытъ минувшей войны быстро старѣетъ, и только наука можетъ предвидѣть дальнѣйшую эволюцію военнаго искусства.

Сложность и измѣнчивость современной военной доктрины вноситъ большое затрудненіе въ дѣло обученія войскъ. При современной системѣ кадровой арміи въ мирное

время подъ знаменами обучаются милліоны перемѣннаго состава, образующаго, послѣ краткаго срока своей дѣйствительной службы, запасъ обученныхъ бойцовъ. Переучивать этотъ запасъ при объявленіи мобилизаціи представляетъ большія трудности. Использованіе при мобилизаціи перволинейными войсками младшихъ сроковъ службы вноситъ нѣкоторое облегченіе въ рѣшеніе труднаго вопроса боевой подготовки арміи. Но кромѣ этого созидатели вооруженной силы должны учесть также сложность и измѣнчивость современныхъ военныхъ доктринъ при составленіи уставовъ: матеріалъ, подлежащій изложенію въ уставахъ, распредѣляется не только по спціальностямъ (уставы родовъ войскъ, службъ и т. п.), но и по степени подверженности его измѣненіямъ. Практически это осуществляется слѣдующимъ образомъ.

Уставы родовъ войскъ (такъ называемые строевые уставы) должны заключать въ себѣ только тѣ элементарныя данныя, которыя обуславливаются находящимся въ данную минуту у арміи вооруженіемъ. При этомъ эти уставы должны подраздѣляться на двѣ части: собственно уставъ со всѣми формальными наименѣе измѣняемыми данными и наставленіе для боевыхъ дѣйствій въ рамкахъ не выше полка. Эта вторая часть можетъ подвергаться болѣе частымъ измѣненіямъ, но всетаки, въ виду того, что рамки ея ограничены разсмотрѣніемъ дѣйствій малыхъ войсковыхъ единицъ, она будетъ болѣе устойчивой, нежели уставныя указанія, касающіяся болѣе крупныхъ единицъ. По этому пути мы уже шли до войны, но мы считаемъ, что эта идея должна быть проведена гораздо рѣзче и полнѣе: въ строевые уставы должны быть перенесены и элементарныя формулы такъ называемой полевой службы войскъ, а именно: развѣдка, охраненіе, походныя движенія, расположеніе на отдыхъ, а также вопросы управленія въ рамкахъ полка.

Руководящія указанія для дѣйствія войсковыхъ единицъ высшихъ, нежели полкъ, мы предлагаемъ распредѣлить на двѣ группы наставленій или инструкцій.

1. „Наставленіе для совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ“ въ рамкахъ бригады, дивизіи и корпуса, а также всѣ инструкціи, касающіяся работы различныхъ службъ: связи, снабженія и тыла, обезпечивающихъ успѣхъ боевыхъ дѣйствій вышеуказанныхъ боевыхъ соединеній.

2. „Наставленіе для вожденія высшихъ соединеній“, посвященное методамъ оперативнаго руководства корпусомъ, арміей и группой армій, а также „Положеніе о полевомъ управленіи войскъ“ и сопряженныя съ ними другія „положенія“.

При такомъ распредѣленіи инструктивнаго матеріала доктрины получается возможность саму редакцію изложенія уставовъ и наставленій приспособить къ степени подготовленности того круга начальниковъ, къ которымъ каждый изъ

этихъ уставовъ обращается. Вслѣдствіе этого наставленія для совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ и въ особенности для вожденія высшихъ войсковыхъ соединеній могутъ всецѣло пріобрѣсти характеръ офиціальнаго научнаго тактическаго и стратегическаго руководства.

Подобное раздѣленіе имѣетъ и болѣе глубокое методологическое значеніе. Низшіе войсковые уставы будутъ заключать въ себѣ всю военно-воспитательную часть доктрины *), средніе — главную часть тактическихъ, а высшіе — стратегическихъ идей доктрины. Вышеуказанное не значитъ, что низшіе войсковые уставы не будутъ касаться тактики, что *„Наставленіе для совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ“* не будетъ вовсе касаться стратегіи, а *„Наставленіе для вожденія высшихъ войсковыхъ соединеній“* — тактики. Вопросъ идетъ лишь о той основной точкѣ зрѣнія, подъ угломъ которой будутъ трактоваться вопросы.

Низшіе уставы, предназначенные прежде всего для руководства подготовкой бойца и низшихъ войсковыхъ единицъ должны прежде всего быть проникнуты духомъ военной педагогики. Необходимость въ современномъ огневомъ бою болѣе глубокаго проникновенія пѣхоты въ глубь расположенія противника, нежели это требовалось раньше, заставляетъ составителей этихъ уставовъ обратить особое вниманіе на воспитаніе пѣхоты и кавалеріи въ духѣ „Суворовской нападательной тактики“. Прочное внѣдреніе въ психологію бойца стремленія проникновенія въ глубь непріятельскаго расположенія требуетъ развитія въ немъ увѣренности въ своихъ силахъ при рукопашной схваткѣ съ непожелавшимъ сдаться врагомъ.

Наша армія традиціонно воспитывалась въ сознаніи превосходства въ рукопашной схваткѣ. Поддержать эту историческую традицію должно составить одну изъ цѣлей военной педагогики (низшихъ уставовъ). Для этого нужно культивировать, какъ важнѣйшій военный спортъ, уколъ штыкомъ, рубку шашкой, стрѣльбу изъ револьвера, бросаніе ручныхъ гранатъ и даже кулачную или иную борьбу.

Но этотъ культъ, какъ результатъ военно-педагогическихъ требованій не долженъ внушать бойцу *ложныхъ* идей о современномъ огневомъ боѣ. Въ этомъ и была ошибка М. И. Драгомирова. Имѣя великую заслугу передъ русской арміей своимъ стремленіемъ возродить въ ней Суворовскую традицію, онъ не учелъ того радикальнаго измѣненія тактики, происшедшаго со времени Суворова.

„Наука Побѣждать“ говоритъ:

„Береги пулю на три дня, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣляй рѣдко да мѣтко, штыкомъ

*) Поэтому къ этой категоріи должны быть также отнесены уставы Внутренней службы, Гарнизонный и Дисциплинарный.

коли крѣпко; пуля обмишулится, а штыкъ не обмишулится; пуля дура, штыкъ — молодецъ".

Эти Суворовскія слова привели М. И. Драгомирова къ совершенно невѣрному заключенію.

„Въ этомъ пунктѣ", пишетъ онъ, — сдѣлана превосходная оцѣнка относительнаго достоинства холоднаго и огнестрѣльнаго оружія". Суворовъ дѣйствительно дѣлаетъ оцѣнку огнестрѣльнаго оружія, но своего времени. когда на 300 шаговъ хорошій стрѣлокъ не могъ быть увѣреннымъ, что попадетъ даже въ 5-ти этажный домъ. Изъ этой основной логической ошибки и вытекли всѣ тактическія нелѣпости, которыя пытались вводить въ нашу армію послѣдователи М. И. Драгомирова — Сухомлиновъ (на должности военнаго министра) и Бончъ-Бруевичъ (редакторъ новыхъ изданій Драгомировской тактики).

Формула Суворова „пуля — дура, штыкъ — молодецъ", конечно сейчасъ абсолютно не примѣнима. Она даже вредна, ибо внушаетъ солдату недовѣріе къ своему главному оружію — ружью, пулемету и пушкѣ. Солдатъ, узрѣвшій въ первомъ же бою, что современная пуля дура, въ томъ случаѣ, если онъ не вѣритъ въ наступательную силу своего огнестрѣльнаго оружія, становится пассивнымъ. Въ этомъ и лежала главная причина тактической пассивности нашихъ войскъ въ Японскую войну. Между тѣмъ, японскія войска, воспитанныя германскими инструкторами, были полны вѣры въ силу своего огня и потому проявили на поляхъ сраженій самое ярко выраженное стремленіе впередъ.

На примѣрѣ вопроса обученія штыку мы хотѣли обнаружить особенность низшихъ уставовъ. Вынужденные одновременно сочетать тактическія и военно-педагогическія стороны, они непремѣнно сталкиваются съ нѣкоторыми различіями въ требованіяхъ. И вотъ, при разрѣшеніи этихъ различныхъ точекъ зрѣнія, нужно прежде всего остерегаться укладывать реальности жизни въ прокрустово ложе. Въ конечной своей формѣ эта вредная тенденція выражалась у насъ въ проповѣди „пуля дура, а штыкъ молодецъ", а у французовъ въ томъ, что ихъ солдаты остроумно называли „bourrer les crânes".

„Наставленіе для совмѣстныхъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ" переноситъ центръ тяжести разсужденія уже всецѣло въ область тактики. Солидарность общихъ дѣйствій и уменьшеніе внутреннихъ треній для достиженія съ наименьшей затратой крови и наибольшихъ результатовъ — вотъ главная задача этого устава. Главнымъ оружіемъ борьбы для начальника дивизіи является его артиллерія. Ибо отъ $^2/_3$ до $^3/_4$ потерь будетъ нанесено непріятелю нашими пушками и гаубицами. Пѣхота подводится къ рукопашной схваткѣ только для использованія результатовъ огневого боя. Поэтому, если низшіе уставы должны съумѣть внушить бойцамъ постоянное, неудержимое стремленіе впередъ, то наставленіе для совмѣ-

стныхъ боевыхъ дѣйствій родовъ войскъ должно дать начальнику умѣніе „придерживать“ свою хорошую пѣхоту въ минуты нерѣшеннаго еще огневого боя съ тѣмъ, чтобы потребовать отъ нея крайняго напряженія въ минуты, когда противникъ по образному выраженію нѣмецкаго устава „созрѣетъ для штурма“ (штурмрейфъ). Для этого начальникъ долженъ умѣть правильно оцѣнивать обстановку. Поэтому наставленіе для совмѣстныхъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ должно быть насквозь проникнуто словами Суворовской „Науки побѣждать“.

„Два воинскія искусства: первое — глазомѣръ; какъ въ лагерь стать, какъ идти, гдѣ атаковать, гнать и бить. Второе — быстрота“. При этомъ обращаемъ здѣсь особенное вниманіе на обстоятельство, всегда забываемое, Суворовъ ставитъ для военнаго искуства на первое мѣсто *глазомѣръ*, а не быстроту.

Вотъ въ своемъ предпочтеніи „глазомѣру“ разсматриваемые нами теперь уставы средней категоріи должны нѣсколько отличаться отъ уставовъ низшихъ; въ уставахъ средней категоріи должна красною нитью проходить мысль: — войска водятъ въ бой, а не на убой“, въ уставахъ же низшей категоріи должна быть столь-же ярко проведена мысль: „войска должны быть готовы по первому приказанію отдать свою жизнь“.

Различія въ этомъ отношеніи обѣихъ категорій уставовъ могутъ быть обрисованы на слѣдующемъ примѣрѣ: части пѣхоты и кавалеріи должны умѣть рѣшительно атаковать, или упорно обороняться (по нѣмецкому афоризму: здѣсь стою и здѣсь я умру). Для дивизіи же въ ея цѣломъ вопросъ не рѣшается столь примитивно. Дивизія можетъ не только рѣшительно наступать, но вести и затяжное наступленіе и оборону, она можетъ вести демонстрацію, наконецъ, она часто будетъ строить свою оборону въ глубину. Послѣднее потребуетъ обороны двухъ позицій: цередовой и главной. Было бы ошибкой предполагать, что для этого дивизія распредѣлитъ равномѣрно свое сопротивленіе на обѣихъ позиціяхъ или же, что войска на одной изъ позицій будутъ обороняться менѣе упорно, чѣмъ на другой. Нѣтъ. Свое главное сопротивленіе дивизія сосредоточитъ только на главной позиціи. Это выразится въ неравномѣрномъ распредѣленіи силъ дивизіи, начальникъ которой и сосредочитъ главныя ея силы для обороны главной позиціи. Но въ проявленіи упорства обороны меньшей частью дивизіи, обороняющей передовую позицію, и большей частью дивизіи, обороняющей главную, не должно быть различія. Войска на обѣихъ позиціяхъ должны проявлять максимальное упорство, придерживаясь правила: здѣсь стою и здѣсь я умру. Упорная оборона частей первой линіи кончается лишь послѣ приказанія старшаго начальника объ отходѣ, или по истеченіи того опредѣленнаго срока, который онъ заблаговременно укажетъ.

Когда мы перейдемъ въ область высшихъ уставовъ *(Наставленіе для вожденія высшихъ войсковыхъ соединеній)*, то абрисы доктрины еще болѣе усложняются, но зато вступаетъ въ силу законъ большого числа. Командиръ корпуса, особенно же командующій арміей или главнокомандующій, имѣетъ дѣло съ явленіями, заключающими въ себѣ такое огромное число отдѣльныхъ случаевъ, что вліяніе „случайности“ до нѣкоторой степени парализуется взаимнымъ погашеніемъ крайностей и вырисовывается средняя линія возможностей. Вотъ почему, если младшій начальникъ не можетъ воевать не рискуя, то, чѣмъ выше начальникъ, тѣмъ большую роль въ его распоряженіяхъ долженъ играть расчетъ. Послѣдній ему облегчается еще тѣмъ, что его освѣдомленіе о противникѣ получаетъ все болѣе объемлющій характеръ, и потому многое изъ данныхъ о противникѣ, что для младшаго начальника является случайностью, для старшаго представляетъ величину, научно учитываемую.

Всякій расчетъ обуславливается возможностью использованія опредѣленныхъ величинъ. Законъ большого числа имѣетъ дѣло со „средними величинами“ (примѣръ статистики). Такимъ образомъ, уже это одно подсказываетъ, что стратегія болѣе точная наука, нежели тактика. Тутъ приходится обратить вниманіе на нашу основную ошибку въ стратегіи. Увлекаясь примѣромъ Суворова, требовавшаго крайняго напряженія своихъ войскъ, мы забывали, что Суворовъ по условіямъ ограниченности тѣхъ силъ, которыми онъ командовалъ, совмѣщалъ въ себѣ одновременно главнокомандующаго, командующаго, командира корпуса, а часто и начальника дивизіи. Въ роли послѣдняго онъ умѣлъ потребовать отъ войскъ невозможнаго и не считалъ враговъ (примѣръ: его маршъ въ Пражской операціи до Бреста). Но въ роли главнокомандующаго его методы другіе: здѣсь онъ считаетъ враговъ, и свои стратегическія заданія не основываетъ на такомъ же напряженіи, какъ въ тактикѣ. Полуторамѣсячная остановка у Бреста въ той же Пражской операціи является другимъ примѣромъ. Командующій арміей или главнокомандующій постоянно кладутъ въ основу своихъ стратегическихъ расчетовъ у насъ крайнее напряженія войскъ, не оставляя зазора для своихъ подчиненныхъ для проявленія добавочной энергіи съ цѣлью преоборотъ непредвидѣнныя случайности. Операціи срываются также точно, какъ проливается чаша отъ послѣдней переполнившей ее капли. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что стратегія имѣетъ своей задачей подвести войска къ полю сраженія (поставить ихъ въ найболѣе выгодное положеніе). Тактика же употребляетъ войска на полѣ сраженія. Слѣдовательно, стратегія должна подвести войска не измученными, а сохраняющими свой запасъ силъ. Вотъ почему основнымъ правиломъ стратегіи является расчетъ, основанный на среднихъ величинахъ. Въ этомъ отношеніи очень поучительно сравненіе расчета нашего и нѣмецкаго въ операціяхъ въ Восточной

Пруссіи въ 1914 году. Вотъ тугъ то и обнаруживается большая разница въ точкахъ зрѣнія, которыя проводятся въ уставахъ преимущественно тактическаго характера (низшіе и средніе уставы) и уставахъ преимущественно стратегическаго характера (высшіе). Первые должны требовать отъ начальника умѣнія потребовать отъ войскъ крайняго напряженія, т. е. умѣнія быть въ нужную минуту расточительнымъ. Вторые должны требовать отъ начальника умѣнія экономнаго рѣшенія оперативныхъ задачъ съ тѣмъ, чтобы не растрачивать капиталъ энергіи войскъ до сраженія.

Различіе въ характерѣ уставовъ различныхъ категорій не должно приводить къ нарушенію внутренняго единства доктрины.

Различіе въ требованіяхъ уставовъ различныхъ категорій привело нѣкоторыхъ писателей къ мысли о существованіи трехъ доктринъ: одной—воспитательной, другой — тактической и третьей—стратегической. Мы думаемъ, что подобное раздѣленіе можетъ повести къ затемнѣнію одной изъ существеннѣйшихъ мыслей, а именно — единства доктрины. Послѣднее заключается, прежде всего, въ томъ, что *воспитаніе, и тактика, и стратегія должны быть слиты въ одно логическое цѣлое.* Отсутствіемъ подобнаго единства и грѣшили мы до войны. То, что доктрина должна быть единою, не значитъ, что ея отдѣльныя части — воспитательная, тактическая и стратегическая — должны смѣшиваться въ одну кучу. Въ этихъ частяхъ могутъ быть различія, но не должно быть внутреннихъ противорѣчій. Чтобы выяснить мысль о различіяхъ, мы приведемъ слѣдующій примѣръ.

Лучшимъ солдатомъ для выполненія всякой тактической и стратегической задачи является солдатъ въ духѣ Суворовской „нападательной тактики“. Принимая во вниманіе, что та часть доктрины, которая внѣдряется въ массу войскъ, должна быть наименѣе подверженной измѣненіямъ, вполнѣ естественно воспитывать солдата въ наступательномъ духѣ независимо отъ того, придется ли начинать войну со стратегической обороны. Въ этомъ случаѣ въ уставахъ указанныхъ трехъ категорій будутъ различія, но не будетъ противорѣчій.

Возьмемъ для дальнѣйшаго поясненія нашей мысли доктрины германскую и французскую передъ войной 1914 года. Германцы, пользуясь запаздываніемъ сосредоточиванія всей русской вооруженной силы, готовились нанести быстрое рѣшительное пораженіе французской арміи съ тѣмъ, чтобы затѣмъ нанести такое же пораженіе русской арміи. Поэтому германская доктрина во всѣхъ своихъ частяхъ должна была носить ярко наступательный характеръ. Въ воспитательной части она требовала дурхшнитсолдата, въ тактикѣ и стратегіи рѣшительнаго наступленія съ самаго начала войны, причемъ эти идеи могли быть доведены до своей крайности. Стоитъ

только прочесть упомянутый нами выше трудъ начальника германскаго Большого Генеральнаго Штаба графа фонъ Шлифена подъ заглавіемъ „Канны“. Въ этомъ трудѣ, имѣвшемъ исключительное значеніе для высшей части германской военной доктрины, фельдмаршалъ фонъ-Шлифенъ внушаетъ мысль нѣмецкому высшему командному составу и Генеральному Штабу, что идеаломъ формы сраженія, къ которому должно стремиться германское командованіе, являются Канны, т. е. охватъ сразу двухъ флланговъ съ дальнѣйшимъ окруженіемъ врага. При подобной формѣ сраженія — полное уничтоженіе врага, т.-е. то, что какъ разъ требавалось основной мыслью плана: успѣть разбить враговъ Германіи порознь. Въ оперативномъ управленіи войсками нѣмецкая доктрина въ самой рѣзкой формѣ выдвигаетъ на первый планъ рѣшеніе вопроса „Чего я хочу?“, вводя лишь въ видѣ поправки данныя о волѣ противника. Предъявляя подобныя требованія, нѣмцы, конечно, отдавали себѣ отчетъ, что такое предъявленіе вело къ нѣкоторой предвзятости рѣшеній начальниковъ. Но они учитывали, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ обстановка предстоящей Германіи войны потребуетъ именно такого „предвзятаго“ рѣшенія. Недостатки подобнаго образа дѣйствій окупались преимуществомъ сохраненія иниціативы въ своихъ рукахъ и быстраго развитія операціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ фонъ-Шлифенъ и его преемники приняли всѣ мѣры, чтобы предъявленныя ими требованія не являлись бы только одними красивыми словами, непосильными для проведенія ихъ въ жизнь. Матеріальная подготовка германской арміи передъ войной 1914 года можетъ считаться образцовой. Дивизіямъ и высшимъ войсковымъ соединеніямъ были даны такія могущественныя артиллерійскія средства, что дѣйствительно онѣ могли осуществлять ту рѣшительность дѣйствій, которая отъ нихъ требовалась. Внутреннее единство доктрины улавливается гораздо труднѣе, нежели ея внѣшнее. Трудъ „Канны“, который въ Германскомъ Генеральномъ Штабѣ почитался за Евангеліе, не былъ даже переведенъ на русскій языкъ, и мы увѣрены, что мало русскихъ офицеромъ генеральнаго штаба его штудировали. Во Франціи онъ прошелъ тоже незамѣченнымъ. Правда, передъ самой войной въ 1914 году появился трудъ капетана Daille съ предисловіемъ одного изъ членовъ Верховнаго Совѣта, генерала Ruffey, подъ заглавіемъ: „Essai sur la doctrine strategique allemande d'apres „La bataille de Cannes“ par de Feld-Marechal de Schliffen“. Чтеніе этого труда теперь можетъ лишь показать, насколько непонятнымъ оказался для французовъ внутренній смыслъ творенія Шлифена. Капитанъ Дайль, главнымъ образомъ, полемизируетъ съ покойнымъ уже тогда Шлифеномъ на тему, что Наполеонъ былъ, какъ полководецъ, крупнѣе чѣмъ Мольтке.

Если внутренній смыслъ германской довоенной доктрины оказался непонятнымъ французамъ, то съ другой стороны

ихъ поразила внѣшняя ея однородность: наступленіе въ воспитаніи, наступленіе въ тактикѣ, наступленіе въ стратегіи. Любители „централизма“, математическаго равенства, французы поддались на приманку внѣшней цѣльности германской доктрины. Безспорная истина, что только наступленіе ведетъ къ выигрышу войны, проведенное такъ просто и ярко въ германской доктринѣ, ударила по воображенію французовъ. Незадолго передъ войной во французскомъ Генеральномъ Штабѣ появилось теченіе съ талантливымъ полковникомъ Гранмезономъ во главѣ, которое съ яркимъ осужденіемъ напало на существовавшую тогда французскую доктрину. Послѣдователи этого новаго направленія, проповѣдуя наступленіе всегда и во чтобы то ни стало, дошли до отрицанія значенія обороны. Они требовали, чтобы доктрина французской арміи была бы столь же наступательной во всѣхъ своихъ частяхъ, какъ и германская. Но они упустили изъ виду, что во-первыхъ, именно по тѣмъ самымъ причинамъ, по которымъ Германія должна была стремиться добиться возможно быстраго рѣшенія, Франція должна была всячески оттягивать рѣшительный періодъ операцій до окончательной готовности Россіи; этотъ періодъ измѣрялся двумя мѣсяцами, но и всякій выигранный день являлся стратегическимъ успѣхомъ для союзниковъ и проигрышемъ для Германіи; слѣдовательно, несмотря на громадное значеніе при веденіи войны наступательнаго образа дѣйствій, въ данномъ случаѣ Франція должна была начать со стратегической обороны. Послѣдняя при ея недостаткахъ имѣетъ одно преимущество: она оттягиваетъ рѣшительный періодъ операцій и даетъ выигрышъ времени, а это какъ разъ нужно было союзникамъ въ началѣ войны. Въ этомъ отношеніи та французская доктрина, которая браковалась съ пѣною у рта новымъ теченіемъ французскаго Генеральнаго Штаба, несмотря на ея многіе тактическіе дефекты, конечно, несравненно болѣе отвѣчала требованіямъ обстановки войны 1914 года. Стратегическая оборона вовсе не всегда осуществляется обороной въ тактикѣ. Въ этомъ отношеніи напомнимъ безсмертные примѣры стратегической обороны генерала Бонапарта въ Италіи осенью 1796 года, а также стратегическую оборону Пьемонта Суворовымъ въ 1799 году противъ арміи Макдональда и Моро. Такимъ образомъ, стратегическая оборонительная доктрина можетъ быть въ тоже время и тактически наступательной. Вотъ это обстоятельство и было совершенно упущенно Гранмезономъ и его послѣдователями, требовавшими наступленія вездѣ, всегда и во что бы то ни стало.

Они не поняли, что проведеніе въ германской доктринѣ идеи наступленія во всѣхъ частяхъ этой доктрины являлось дѣломъ даннаго для Германіи случая. Смѣшавъ всѣ понятія въ одно, французы ушли съ пути научнаго мышленія и пошли по банальному пути „моды на наступленіе“. Легковѣсность мысли французскихъ „младотурокъ“, какъ они назы-

вали себя сами, увеличивались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что сама тактическая часть французской доктрины чрезвычайно отстала по сравненію съ германской. Хотя она и была огневой, но всецѣло базировалась на идеѣ господствущаго значенія ружейнаго огня, между тѣмъ какъ это значеніе перешло уже на долю артиллеріи. Такимъ образомъ, французскіе „младотурки“ не только играли въ области стратегіи въ руку нѣмцамъ, но въ то же время вели свои войска не въ бой, а на убой. Дорого пришлось заплатить за это Франціи. Французская армія понесла пораженіе въ первомъ сраженіи (Bataille de la frontière) и для своего спасенія должна была взывать о помощи къ своему союзнику Россіи. Россія рыцарски исполнила свой долгъ чести, но ей пришлось за это пожертвовать частью своей арміи въ Восточной Пруссіи.

Центръ тяжести проведенія въ жизнь избранной доктрины лежитъ въ прикладномъ обученіи войскъ.

Правильно составленные уставы (наставленія, инструкціи, положенія) являются частью работы по проведенію въ арміи избранной военной доктрины. Представляя собой прежде всего практическое приложеніе выводовъ науки къ опредѣленной обстановкѣ. внѣдреніе доктрины въ еще большей мѣрѣ зависитъ отъ самаго хода обученія войскъ и ихъ командnаго состава. Вотъ почему Суворовская „Наука побѣждать“ заключала въ себѣ двѣ части: словесное поученіе и ученіе показное; причемъ второе составляло первую часть. Въ настоящее время военное искусство настолько осложнилось, что оно не можетъ быть включено, какъ это было сдѣлано, правда, съ большимъ мастерствомъ, Суворовымъ, въ узкія рамки показного ученія и одного общаго поученія.

Какъ въ области уставной приходится раздѣлить инструктивный матеріалъ на рядъ категорій въ зависимости отъ того, къ кому поученіе обращается, такъ же точно самый процессъ внѣдренія въ армію доктрины, въ особенности въ среду командnаго состава, вынужденъ пользоваться гораздо болѣе сложными методами, нежели въ эпоху Суворова. Тактическія задачи на картахъ и на мѣстности, показныя ученія, маневры войскъ — вотъ обширные отдѣлы воинскаго обученія, которые должны получить въ современную эпоху самое широкое развитіе. Показное ученіе Суворова является лишь одной изъ ступеней на длинной лѣстницѣ боевой подготовки современныхъ армій.

Широкое примѣненіе этихъ методовъ позволяетъ вдохнуть живой духъ въ доктрину, безъ которой она рискуетъ сбиться на путь шаблона. Благодаря подобной постановкѣ вопроса, въ уставахъ и инструкціяхъ будетъ сосредоточено изложеніе формальной и принципіальной части доктрины; прикладная же часть ея должна проходиться войсками на „ча-

стномъ случаѣ", т.-е. въ тактическихъ занятіяхъ, ученіяхъ и маневрахъ.

Единство доктрины можетъ вырасти только изъ единства научной мысли.

Отсюда мы видимъ, что, по существу говоря, центръ тяжести привитія войскамъ соотвѣтствующей доктрины лежитъ здѣсь и что потому однихъ отлично составленныхъ уставовъ, наставленій, положеній еще слишкомъ мало. Съ другой стороны подобная постановка дѣла требуетъ, чтобы всѣ многоразличныя занятія войскъ и командная состава были проникнуты духомъ единой доктрины.

Ген. Сухомлиновъ думалъ рѣшить этотъ вопросъ очень просто: запретить всякое тактическое и стратегическое инакомыслiе. Но такое рѣшеніе въ стилѣ Щедринскаго Угрюмъ-Бурчеева, конечно, не соотвѣтствуетъ требованіямъ жизни. Нужно, вѣдь, чтобы принятая единая доктрина была бы въ то же время не „какая нибудь", а истинная. Отъ того, что римскій папа заставилъ Галлилея присягнуть, что земля не вертится, земля не перестала вращаться.

Для правильнаго разрѣшенія этой трудной задачи есть только одинъ путь: путь Мольтке, т. е. путь науки.

Этотъ путь не заказанъ и намъ.

Но этотъ путь долгій и трудный. Для того, чтобы дѣйствительно вступить на него, нужно еще проникнуться глубокой вѣрой въ науку.

Въ нашей работѣ мы и зовемъ на этотъ путь.

Несомнѣнно, что окончательное созданіе доктрины будущей Россійской арміи намъ, находящимся заграницей, недоступно. Для этого требуется знаніе такихъ конкретныхъ данныхъ, которое достижимо только лицамъ, непосредственно стоящимъ у кормила правленія арміей. Но намѣтить главныя исходныя точки, опредѣлить общіе абрисы этой доктрины вполнѣ возможно и, можетъ быть, они для насъ, находящихся внѣ большевицкой деспотіи, виднѣе. Совѣтскіе „спецы" не смѣютъ отойти отъ „китовъ" ленинизма: матеріализма, отрицанія современной культуры и національнаго начала и ставки на всемірную революцію. Подобныя отправныя точки сами по себѣ уже ставятъ вѣхи на ложномъ пути, на которомъ не найти истинной науки. Найдемъ же въ себѣ силу вѣры въ науку и, вмѣстѣ съ Галлилеемъ, скажемъ: „а земля все-таки вертится".

Жизнь неминуемо покажетъ правоту нашей точки зрѣнія. Въ ожиданіи же этой минуты, нужно, не покладая рукъ, работать, дабы не уподобиться Евангельскимъ „неразумнымъ дѣвамъ", у которыхъ потухли свѣтильники къ минутѣ встрѣчи Жениха. Въ первыя минуты возрожденія Россіи поздно будетъ искать „масло для свѣтильника науки".

„Одинаковый взглядъ на вещи приводитъ къ единству мысли; единство мысли — къ единству дѣйствій" — такъ опре-

дѣлялъ въ свое время во французской Высшей Школѣ профессоръ Фошъ, будущій маршалъ Франціи, единство доктрины.

Единство взгляда нужно не только для веденія войны. Оно нужно и для самого созиданія вооруженной силы въ мирное время. Безъ единства взгляда эта созидательная работа осуждена на блужданіе изъ стороны въ сторону, а слѣдовательно къ значительному уменьшенію своей продуктивности, къ большимъ внутреннимъ треніямъ, къ лишнимъ расходамъ и къ потерѣ времени.

Попробуемъ же, прежде всего, создать единство взгляда, но не Сухомлиновскимъ путемъ невѣжества, запрещающаго инако мыслить, а путемъ убѣждающей науки.

Это первый этапъ по пути къ единству доктрины.

Этапъ самый длинный, но необходимый для всѣхъ послѣдующихъ.

Очеркъ 3-й.

Качество войскъ.

Передъ войной 1914—1918 гг. мы признавали главенствующее значеніе духовнаго элемента болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

Минувшая война только еще разъ подтвердила громадное значеніе духовныхъ факторовъ для побѣды. Для того, чтобы одержать послѣднюю, нуженъ прежде всего сильный духъ.

Законъ главенства духовнаго элемента въ явленіяхъ войны всегда признавался русской военной наукой. Но въ тоже время необходимо констатировать и другой фактъ: на практикѣ наше преклоненіе передъ „духомъ“ было часто только формальнымъ. Это недостаточное пониманіе сущности „духа“ войскъ и привело къ тому недопустимому пренебреженію къ нему, которое проявляло передъ войной 1914 г. наше Военное Министерство въ вопросѣ комплектованія и мобилизаціи арміи. Руководители нашего Военнаго Министерства совершенно не учли, что современная армія, превращающаяся съ объявленіемъ войны въ вооруженный народъ, должна черпать силу своего духа въ гущѣ самого народа, уподобляясь Антею, нуждавшемуся для притока силъ въ прикосновеніи къ своей матери-землѣ. А для этого есть только одинъ методъ — территоріальная система комплектованія, когда земляки дерутся вмѣстѣ, когда каждая волость, уѣздъ. маленькій городъ можетъ узнать „своихъ героевъ“ и окружить ихъ заслуженнымъ ими ореоломъ уваженія и, обратно, заклеймить презрѣніемъ своихъ трусовъ. Территоріальная

система создаетъ здоровыя гигіеничныя соціальныя условія, при которыхъ автоматически вырастаетъ общественный контроль самого народа надъ „духомъ“ своихъ войскъ. Не даромъ рѣшительно всѣ культурныя европейскія государства въ основу организаціи своихъ армій положили принципъ территоріальнаго комплектованія. Даже Австро-Венгрія, эта *лоскутная имперія*, и та съ различными компромисами всетаки провела у себя территоріальную систему. Только Россія отклонилась отъ этого пути. Сдѣлавъ эту принципіальную ошибку, мы затѣмъ никакъ не могли распутаться въ послѣдствіяхъ. Не только при мобилизаціи части заполнялись „незнакомцами“, но и раненые, какъ правило, не попадали по выздоровленіи въ свои части. Каждый строевой начальникъ, участвовавшій въ войнѣ, знаетъ какъ понижала духъ части эта взаимная „чуждость“ начальниковъ и ихъ подчиненныхъ.

Не лишено интереса отмѣтить здѣсь, что генералъ Сухомлиновъ въ своихъ только что вышедшихъ воспоминаніяхъ утверждаетъ, что имъ была проведена территоріяльная система комплектованія. Подъ этимъ утвержденіемъ онъ подразумѣваетъ произведенное имъ отодвиганіе нѣсколькихъ корпусовъ въ глубь Россіи, что приблизило ихъ къ основнымъ районамъ ихъ комплектованія. Дѣйствительно — это увеличивало возможность территоріальной системы комплектованія, но этого было еще мало. Ген. Сухомлиновъ и его сотрудники понимали идею укомплектованія очень узко, если можно такъ выразиться, матеріалистично, только въ смыслѣ ускоренія процесса мобилизаціи. Воспоминанія ген. Сухомлинова служатъ яркимъ доказательствомъ полнаго непониманія современной духовной сущности территоріальной системы, которая прежде всего основывается на томъ, чтобы запасные и раненые возвращались бы въ свою часть.

Если вдуматься въ нашу стратегію, то мы тоже не всегда увидимъ внимательное учитываніе духовнаго элемента. Стратегія Главнокомандующаго С.-З. фронта генерала Жилинскаго является въ этомъ отношеніи наиболѣе яркимъ отрицательнымъ примѣромъ. Для подробнаго ознакомленія мы отсылаемъ къ нашей книгѣ „Изъ исторіи кампаніи 1914 года; начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи“.

Наконецъ и въ области тактики на дѣлѣ мы также грѣшили часто тѣмъ же пренебреженіемъ къ „духовному элементу“. Тутъ особенно рѣзко выявлялось представленіе о „духѣ войскъ“ какъ о чемъ то неисчерпаемомъ и самодовлѣющемъ. Мы строили нашу теорію боя на такомъ расточительномъ расходованіи крови, которое не могли выдержать даже самыя лучшія войска въ мірѣ. Вмѣстѣ съ этимъ мы плохо учитывали зависимость „духа войскъ“ отъ причинъ соціальнаго и политическаго характера, причинъ, получившихъ особую силу и вліяніе послѣ превращенія профессіональной арміи въ вооруженный народъ.

Зависимость „духа“ войскъ отъ соціальныхъ и политическихъ условій.

Соціальныя и политическія условія, въ которыхъ живетъ страна, являются первыми данными, вліяющими въ современную эпоху на „духъ“ войскъ. Раньше, когда армія могла воспитываться оторванною отъ народа, положеніе было другое. Но теперь вліяніе этихъ двухъ факторовъ является громаднымъ. Вотъ почему въ современную эпоху вести войну, непопулярную въ массахъ, есть предпріятіе безнадежное.

Вспомнимъ нашу войну съ Японіей. Идея войны, сама по себѣ, далеко не представляла собой той авантюры, какъ это обыкновенно принято думать. Но эта идея не была осознана и одобрена національнымъ самосознаніемъ. Темная народная масса интересовалась войной лишь по столько, поскольку она вліяла на ея семейные и хозяйственные интересы. Большинство интеллигенціи относилось къ войнѣ индиферентно; оно спокойно занималось своими обычными дѣлами; въ тяжелые дни Ляояна, Шахэ, Мукдена и Цусимы театры, рестораны и разныя увеселительныя заведенія были также полны, какъ и всегда. Часть же интеллигенціи не только относилась индиферентно къ нашимъ неудачамъ, но даже желала и старалась ихъ вызвать. Съ этой цѣлью велась пропаганда среди запасныхъ, войска засыпались прокламаціями. Пораженіямъ арміи открыто радовались.

Не то мы видѣли на японской сторонѣ. Японскій народъ во всемъ своемъ составѣ, отъ перваго ученаго до послѣдняго рабочаго, былъ проникнутъ идеей необходимости войны съ Россіей. Каждому японцу была присуща идея, что для дальнѣйшаго развитія его страны нужны новыя земли и что эти земли можно пріобрѣсти лишь путемъ завоеванія. Въ какой мѣрѣ эта идея вошла въ самое существо японца показываетъ слѣдующій фактъ: когда въ 1895 году вмѣшательство Европейскихъ державъ заставило Японію отказаться отъ главныхъ плодовъ ея побѣды надъ Китаемъ — Портъ-Артура, 43 японскихъ офицера лишили себя жизни. Послѣ занятія русскими войсками Портъ-Артура почти каждая газетная статья, имѣвшая хотя бы незначительное отношеніе къ политикѣ, кончалась словами „помни о Ляодунѣ“. Насколько популярна была въ Японіи идея борьбы съ Россіей, хорошо иллюстрируютъ слѣдующія цифры. Возникшее въ Японіи вскорѣ послѣ войны съ Китаемъ „Общество военной доблести“, поставившее себѣ цѣлью подготовку народа къ войнѣ въ частности же къ борьбѣ съ Россіей, черезъ два года послѣ своего открытія имѣло уже 90.000 человѣкъ, а черезъ 6 лѣтъ члены его считались сотнями тысячъ. Во время войны съ Россіей горячее сочувствіе народа неослабно сопровождало японскую армію. Каждый успѣхъ ея вызывалъ взрывъ восторга, каждая неудача (Путиловская сопка, отбитіе штурма Портъ-Артура) острою болью отзывалась во всей странѣ.

Въ этомъ отношеніи народа къ войнѣ и кроется главная причина японскихъ побѣдъ. Изъ него родилось стремленіе борца къ побѣдѣ; имъ обуславливалась та моральная сила, которая толкала японскаго бойца водрузить флагъ восходящаго солнца на русскихъ позиціяхъ.

Правительство, отдающее себѣ отчетъ о неминуемости въ будущемъ вооруженнаго столкновенія, должно произвести длительную подготовку общественнаго мнѣнія всей страны. Послѣ 1870—71 года Франція въ теченіе 40 лѣтъ упорно культивировала у своихъ народныхъ массъ идею несправедливости аннексіи Эльзасъ-Лотарингіи. Подобную же работу, но на идеѣ реванша, производитъ сейчасъ Германія.

Здѣсь мы коснулись вопросовъ общеполитическаго характера. Руководители арміи должны умѣть понять передъ готовящейся разразиться грозой, въ какой мѣрѣ общія политическія и соціальныя условія позволяютъ разсчитывать на сильный духъ бойца, и имѣть гражданское мужество открыто заявить правительству, если эти условія неблагопріятны, ибо воевать безъ достаточной силы духа, это все равно, что воевать безъ пушекъ. Министерство генерала Куропаткина и несетъ отвѣтственность передъ Россіей за то, что оно этого своевременно не сдѣлало. Только что опубликованный дневникъ ген. Куропаткина показываетъ, что послѣдній докладывалъ Государю Императору о готовности Японіи, о стратегической для насъ необходимости не отвлекаться отъ западной границы, гдѣ будутъ рѣшаться судьбы Россіи, онъ протестовалъ противъ Безобразовской авантюры и лѣсной концессіи на Ялу... Но онъ не сказалъ главнаго: духъ нашей страны для борбы ея съ Японіей въ ту минуту былъ несостоятеленъ.

Необходимость во время войны охраненія „духа“ войскъ отъ разлагающаго вліянія тыла.

Если необходимость популярности войны имѣетъ столь большое значеніе, что можетъ заставить правительство отказаться отъ нея и идти на уступки и униженія, то тѣмъ съ большимъ вниманіемъ нужно относиться къ поддержанію во время войны общественнаго мнѣнія страны на уровнѣ необходимомъ для побѣды. Чѣмъ культурнѣе государство, чѣмъ болѣе сознательны его народныя массы, тѣмъ властнѣе проявляется эта необходимость. Примѣръ Франціи и Германіи въ минувшую войну крайне поучителенъ въ этомъ отношеніи. Большинство военныхъ писателей обѣихъ этихъ странъ настаиваетъ на томъ, что на этотъ вопросъ было обращено слишкомъ мало вниманія. „Пресса — пишетъ одинъ французскій писатель*), — несмотря на свои лучшія намѣренія, лишенная соотвѣтствующаго руководства и освѣдомленія, часто писала то, что совсѣмъ не слѣдовало говорить. Въ пе-

*) Генералъ Сериньи. Reflexions sur l'art de la Guerre стр. 61.

ріодъ пораженческаго кризиса въ 1917 году газеты, находящіяся внѣ подозрѣній въ дурномъ умыслѣ, подливали масло въ огонь, критикуя, съ голоса пораженцевъ, главнокомандованіе и органы управленія арміи. Провинція жила въ полномъ невѣдѣніи, и распространявшіеся тамъ чудовищные слухи оставались безъ возраженія: одинъ префектъ, напримѣръ, громогласно разсказывалъ въ началѣ марта 1916 года, что генералъ Х. былъ разстрѣлянъ, и что само правительство увѣдомило объ этомъ префекта. Даже въ парламентѣ не всегда различали то, что можно говорить, и о чемъ слѣдуетъ помолчать".

„Конечно, не слѣдуетъ обманывать страну, также какъ этого не нужно дѣлать въ отношеніи арміи. И та и другая не прощаютъ обмана; когда подобный обманъ раскрывается, то онѣ жестоко за это мстятъ: мы только что видѣли въ Европѣ поражающіе примѣры этого. Но это не значитъ, что можно все говорить, и что безразлична сама манера, какъ говорить. Объясните населенію, что національная оборона требуетъ, чтобы весь коммерческій флотъ былъ предназначенъ для перевозки американскихъ войскъ, и что вслѣдствіе этого придется терпѣть больше лишеній въ продовольствіи — оно это пойметъ и покориться этой неизбѣжности. Отдайте же рѣзкій приказъ: уменьшить аппетиты, — и населеніе будетъ возмущено. Въ теченіи трехъ лѣтъ Германія выдерживала съ поразительной стойкостью величайшія лишенія, потому что народнымъ массамъ путемъ многочисленныхъ газетныхъ статей, публичныхъ рѣчей агентовъ правительства и лекцій странствующихъ лекторовъ было выяснено значеніе требуемыхъ жертвъ".

Оцѣнка „качества" русской арміи.

Подъемъ національнаго чувства въ массахъ явленіе очень сложное. Чѣмъ культурнѣе эти массы, тѣмъ понятнѣе для нихъ общегосударственныя нужды. Когда русскій крестьянинъ — солдатъ въ 1917 году не хотѣлъ драться на фронтѣ, потому что врагъ былъ еще далеко отъ его деревни, мы могли убѣдиться воочію въ томъ, насколько чуждъ былъ ему сознательный патріотизмъ британца, француза, нѣмца. Этотъ же русскій крестьянинъ въ теченіе трехъ предшествующихъ лѣтъ хорошо дрался въ рядахъ арміи, пока соціальная жизнь страны шла въ привычныхъ для него рамкахъ. Но какъ только революція сломала этотъ привычный для него обиходъ, предъявила къ нему требованіе къ активному, сознательному патріотизму, онъ оказался совершенно несостоятельнымъ.

Сознательный, активный патріотизмъ воспитывается въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Переживаемая нынѣ Россіей смута, заставляющая призадуматься надъ судьбами нашего отечества даже обывателя самаго глухого захолустья, послужитъ отличнымъ воспитателемъ народнаго самосознанія. Поэтому

можно съ увѣренностью утверждать, что возрожденіе Россіи не будетъ протекать среди такого же безразличія массъ, какое имѣло мѣсто раньше.

Событія послѣднихъ лѣтъ побуждаютъ очень многихъ относиться съ большимъ пессимизмомъ къ боевымъ качествамъ русской арміи.

Мы не будемъ ссылаться на побѣдоносную исторію русской арміи со времени создателя ея Петра Великаго, хотя подобная ссылка сама по себѣ можетъ заставить призадуматься пессимистовъ. Измѣненіе основныхъ чертъ народа не происходитъ въ теченіе одного-двухъ десятковъ лѣтъ. Мы предложимъ вниманію отзывъ о свойствахъ русской арміи, формулированный въ Германскомъ Большомъ Генеральномъ Штабѣ въ 1913 году. Въ вопросѣ, подобномъ нами разсматриваемому, русскому изслѣдователю очень трудно сохранить научную объективность. Въ этомъ случаѣ особенно вѣрно положеніе, что наблюдающій со стороны видитъ яснѣе. Когда же таковымъ является такой внимательный наблюдатель, какъ Германскій Большой Генеральный Штабъ, отдававшій себѣ отчетъ о серьезности назрѣвающей войны съ Россіей, когда мнѣніе этого наблюдателя высказано до тѣхъ фактовъ, которые въ общихъ чертахъ подтвердили его заключеніе, то послѣдніе получаютъ не только большой интересъ но и большую научную цѣнность. Въ своемъ трудѣ „Der Deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchfürung des Weltkrieges“ генералъ фонъ Куль, одинъ изъ видныхъ работниковъ германскаго Большого Генеральнаго Штаба *) проводитъ слѣдующую оцѣнку боевыхъ свойствъ русской арміи, изложенную въ документахъ этого штаба въ 1913 году.

„Армейскія операціи русскихъ будутъ такъ же, какъ и раньше, медлительными. Нельзя ожидать быстраго использованія русскими военноначальниками выгодной оперативной обстановки такъ же, какъ быстраго и точнаго выполненія войсками приказаннаго маневра. Тренія, которыя возникаютъ во всѣхъ инстанціяхъ при отдачѣ, передачѣ и исполненіи оперативныхъ приказаній, очень велики. Вслѣдствіе этого при встрѣчномъ столкновеніи съ русскими нѣмецкое командованіе можетъ позволить себѣ такіе маневры, на которые оно при равноцѣнномъ противникѣ рѣшаться не должно **).

„Солдатскій матеріалъ въ общемъ, такъ же, какъ и раньше, хорошъ. Русскій солдатъ физически силенъ, нетребователенъ и неустрашимъ. Съ другой стороны онъ тяжелъ на подъ-

*) Во время войны ген. фонъ Куль занималъ на фронтѣ высшія должности Генеральнаго Штаба: онъ былъ начальникомъ штаба 1-й германской арміи (генерала фонъ Клуга) въ началѣ войны, а затѣмъ начальникомъ штаба Кронпринца.

**) Страница 62.

емъ, духовно мало развитъ и несамостоятеленъ. Сильныя стороны русской пѣхоты могли проявляться въ большей степени раньше при примѣненіи сомкнутыхъ строевъ, нежели въ современной боевой обстановкѣ. Внѣшнимъ впечатлѣніямъ русскій относительно мало поддается. Послѣ неудачъ русская войсковая часть сравнительно быстро поправляется и способна вновь къ упорной оборонѣ“ *).

Мы увѣрены, что всякій, кто участвовалъ въ минувшую войну, согласится съ правильностью этой общей характеристики. Но это признаніе не должно непремѣнно повлечь за собой проповѣдь необходимости для Россійской арміи доктрины, проникнутой оборонительно-позиціоннымъ духомъ. То, что русская армія способна провести въ жизнь и подвижную, наступательную доктрину, порука нашъ Суворовъ съ его „смѣлой нападательной тактикой“. Вопросъ заключается лишь въ томъ, чтобы отрицательныя въ этомъ отношеніи стороны нашей арміи были бы тщательно изучены, насколько возможно искоренены и, во всякомъ случаѣ, ихъ вредное вліяніе парализовано.

Вдумываясь въ вышеприведенную характеристику, мы увидимъ, что главная причина малой маневренной способности нашей арміи лежала не столько въ свойствахъ солдата, сколько въ неподготовленности командного состава и Генеральнаго Штаба.

Какія мѣры нужны для доведенія будущей Русской арміи до высшей „качественной“ степени, т. е. до высшей маневренной способности.

Въ самомъ дѣлѣ: маневренно способная армія — это высшее выраженіе качественно хорошей арміи. Возможность достиженія этой высшей ступени обуславливается, кромѣ данныхъ общаго политическаго и соціальнаго порядка, о которыхъ мы уже упоминали, еще и данными, если можно такъ выразиться, профессіональнаго характера. Эти данныя могутъ быть сгрупированы въ три категоріи:

1. Данныя, увеличивающія увѣренность солдата въ своихъ силахъ.

2. Данныя, увеличивающія увѣренность солдата другъ въ другѣ и въ свойхъ начальникахъ.

3. Подготовленность и сила кадровъ.

Данныя первой категоріи въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ сознанія бойца въ своей физической силѣ. Въ здоровомъ тѣлѣ — здоровая душа. Въ смыслѣ физической силы и выносливости солдатскій составъ русской арміи находится въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Это констатировали въ 1913 году и наши враги.

---

*) Страница 68.

а) Усиленіе вѣры въ наступательную силу современнаго оружія. Въ эпоху Суворова, когда бои рѣшались исключительно шокомъ холоднаго оружія, подготовка нашего отличнаго матеріала была очень проста: она ограничивалась обученіемъ колоть штыкомъ, пикой, рубить саблей. Нынѣ условія усложнились. Несомнѣнно, что подобное обученіе, какъ это было упомянуто выше, имѣетъ педагогическое значеніе, чтобы заставить бойца не бояться послѣдняго момента сближенія — рукопашной схватки. Но этого сейчасъ слишкомъ мало и, какъ мы уже говорили выше, ошибка нашихъ „штыкопоклонниковъ“ и заключалась въ томъ, что они упустили изъ виду, что въ современную эпоху бойцу еще надо внушить увѣренность въ возможности для него пройти то огневое пространство, которое отдѣляетъ его отъ противника. Во времена Суворова эта задача рѣшалась просто: тактически — броскомъ впередъ черезъ полосу узкую въ сто сажень, полосу дѣйствительнаго огневого пораженія, психологически — внушеніемъ презрѣнія къ огню („пуля дура, штыкъ молодецъ“). Въ настоящее время подобное же тактическое рѣшеніе невозможно, психологическое — крайне вредно. Внушая пренебреженіе къ огнестрѣльному оружію, мы подсѣкаемъ его вѣру въ свое собственное ружье, пулеметъ, пушку. Между тѣмъ, вѣра въ нихъ, въ то, что именно посредствомъ ихъ онъ можетъ совершить свое движеніе впередъ и, болѣе того, такъ потрясти морально противника, что придется врага только забирать въ плѣнъ, является теперь самой существенной частью подготовки активнаго духа бойца. Это требуетъ, въ свою очередь, не только умѣнія хорошо владѣть своимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но въ еще большей степени умѣнія тактически примѣнять его.

б) Просвѣщеніе. Такимъ образомъ, на важнѣйшее мѣсто ставится подготовленность бойца къ проявленію въ широкой мѣрѣ личнаго почина. Нельзя отрицать того, что нѣмцы правы, указывая на „пассивность“ нашего солдатскаго матеріала. Но мы будемъ оспаривать заключеніе, что эта пассивность прирожденная. По нашему глубокому убѣжденію она является слѣдствіемъ малаго просвѣщенія. Малопросвѣщенный человѣкъ легче теряется въ сложной обстановкѣ. Болѣе того: даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обладаетъ большимъ волевымъ посыломъ, его усилія для общей работы пропадаютъ. Разительнымъ примѣромъ подобнаго явленія можетъ служить хотя бы слѣдующій фактъ.

Въ сраженіи у Гумбинена русская 2-я армія неожиданно контръ-атакована 8-й германской арміей. Эта неожиданность могла бы не имѣть мѣста, ибо глаза русскаго солдата развѣдчика, смѣло пробравшагося въ гущу врага, видѣли сборы врага. Наканунѣ этого сраженія казакъ одного изъ разъѣздовъ нашего III-го корпуса доставилъ въ штабъ корпуса за-

писку, которую на рѣкѣ Роминте передалъ ему какой-то пѣхотинецъ. Эта записка гласила слѣдующее: „Доношу Вамъ, что австрійскія войска вчера слѣзли съ вагона и направились на мѣсто Голубково*), такъ что въ Голубковѣ стоитъ артиллерія германская, и уланы и австрійскія войска. На сѣвѣрѣ также непріятельская артиллерія, кавалерія и пѣхота. Прошу дать знать нашей дивизіи и нашему полку, въ которомъ я существую — Имеретинскій 157 пѣхотный полкъ, 7 рота, развѣдчикъ, запасный Даніилъ Рябининъ". Авторъ этой записки долженъ былъ проявить высшую степень личнаго почина, находчивости, смѣлости, активности для того, чтобы увидѣть то, что онъ видѣлъ, а также для того, чтобы сообщить назадъ. Все это онъ преодолѣлъ, но неодолимымъ препятствіемъ для него оказалась малая грамотность. Онъ много видѣлъ, но объяснить этого не могъ, а потому и цѣнность его работы свелась къ нулю. А сколько Даніиловъ Рябининыхъ работало такимъ же образомъ въ пустую. Между тѣмъ эта моллекулярная работа и создаетъ активность арміи.

Создающіе Россійскую вооруженную силу должны твердо увѣровать, что каждая лишняя народная школа имѣетъ значеніе для защиты національныхъ интересовъ не меньше, чѣмъ лишній пулеметъ. Съ другой стороны, сама армія должна пойти навстрѣчу просвѣтительной работѣ и смотрѣть на себя, какъ на одинъ изъ очаговъ просвѣщенія народныхъ массъ.

в) Коллективный спортъ. Увѣренность солдата другъ въ другѣ въ прежнія эпохи создавалась очень просто: примѣненіемъ на поляхъ битвъ сомкнутаго строя. Въ настоящую эпоху, при распыленіи боевыхъ порядковъ, приходится развивать въ бойцѣ чувство взаимной выручки въ несравненно болѣе сложныхъ и менѣе отчетливо осязаемыхъ формахъ. Прежняя привычка къ механической цѣльности замѣняется теперь привычкой къ групповой солидарности усилій. Этимъ и объясняется то особое вниманіе, которое обращено въ настоящее время всѣми культурными государствами на широкое развитіе коллективнаго спорта. Въ этомъ отношеніи всѣ слѣдуютъ примѣру англо-саксовъ, видѣвшихъ въ своемъ футболѣ великолѣпный педагогическій пріемъ для развитія въ молодыхъ людяхъ чувства общественной солидарности въ борьбѣ. Вотъ почему широкое развитіе спортивныхъ общественныхъ игръ должно получить въ довоенной подготовкѣ нашей молодежи большое развитіе.

г) Качественно сильные унтеръ-офицерскіе и ефрейторскіе кадры. Просвѣщеніе русскихъ массъ послѣ того одичанія, который внесъ въ нихъ большевизмъ, разрушившій все дѣло народнаго образованія, потребуетъ длительнаго періода времени. Слѣдовательно, въ томъ случаѣ, если мы всетаки будемъ нуждаться въ манев-

*) Должно быть Гумбиненъ.

ренно-способной арміи, мы должны найти какой-то временный палліативъ. Пассивность малопросвѣщеннаго солдата въ современномъ бою объясняется прежде всего той растерянностью, которая охватываетъ примитивный умъ въ чрезвычайно осложнившейся обстановкѣ. Понимая „механическое единство“, онъ не въ состояніи былъ подняться до объединенія усилій болѣе сложнаго объединенія, не наружнаго, а внутренняго. Здѣсь намъ приходится обратить особое вниманіе на парализованіе этого отрицательнаго явленія путемъ улучшенія ближайшаго начальника рядового—ефрейтора и унтеръ-офицера. Этотъ ближайшій къ солдатамъ начальникъ и долженъ вдохнуть недостающую энергію въ мелкихъ ячейкахъ боевого порядка.

Доблесть и хорошая профессіональная подготовка офицерства—въ особенности высшаго командnаго состава и генеральнаго штаба.

Если мы подчеркивали только что великое значеніе унтеръ-офицерскаго и ефрейторскаго состава, то вовсе не для того, чтобы уменьшить возросшее значеніе офицерскаго и высшаго командnаго состава. Мы хотѣли только обратить вниманіе на вопросъ, который находился у насъ въ пренебреженіи (малочисленность сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ) и который какъ разъ, вслѣдствіе особенностей нашего солдата, имѣлъ несравненно большее значеніе въ нашей арміи, чѣмъ въ прочихъ.

Эта же самая отсталость культурнаго развитія нашего рядового солдата, не всегда могшаго подняться надъ своими „тамбовскими“ интересами на уровень сознательнаго русскаго патріотизма, предъявляетъ къ нашему офицерскому составу требованія гораздо большія нежели въ другихъ арміяхъ. Значеніе въ русской арміи „личнаго примѣра“ командnаго состава несравненно больше, нежели въ арміяхъ французской, британской или германской. Ни въ одной изъ этихъ армій процентъ потерь въ командномъ составѣ не достигалъ въ минувшую войну той высоты, какъ у насъ. Это показываетъ также, что въ смыслѣ доблести наше кадровое офицерство выдержало кровавое испытаніе.

Слабое мѣсто оказалось въ другомъ: въ тактической и стратегической подготовкѣ, причемъ чѣмъ выше, тѣмъ въ большей степени.

Вышеприведенная нѣмецкая характеристика нашей арміи говоритъ: „нельзя ожидать быстраго использованія русскими военноначальниками выгодной стратегической обстановки такъ же, какъ быстраго и точнаго выполненія приказаннаго маневра войсками. Тренія, которыя возникаютъ во всѣхъ инстанціяхъ при отдачѣ, передачѣ и исполненіи оперативныхъ приказаній, очень велики“.

Нельзя не признать вѣрность этого утвержденія, которое переноситъ центръ тяжести маневренной способности въ область подготовки высшихъ начальниковъ и Генеральнаго

Штаба. Наши первыя операціи въ Восточной Пруссіи въ 1914 году служатъ яркимъ доказательствомъ того, что дѣйствительно здѣсь лежала наша основная слабая сторона. Въ этихъ операціяхъ участвуютъ почти исключительно наши первоочередныя дивизіи (второочередныя дивизіи привлекаются къ участію лишь въ послѣдній періодъ сраженія у Мазурскихъ озеръ и для прикрытія начавшагося отступленія). Полевыя части, выступавшія въ походъ съ многочисленными кадрами, оказались способными и къ быстрымъ движеніямъ и къ энергичному наступленію. Изученіе этой операціи намъ показываетъ, что несмотра на то, что въ массѣ нашъ рядовой солдатъ представляетъ собой „пассивный матеріалъ", тѣмъ не менѣе, даже при всѣхъ дефектахъ нашей организаціи мирнаго времени, въ началѣ кампаніи 1914 года, когда цѣлы были многочисленные кадры 3-хъ лѣтняго срока службы, мы могли имѣть маневренно-способныя части арміи. Но громадныя тренія развивались въ оперативныхъ управленіяхъ самихъ армій, какъ правильно это и предусматривалъ Германскій Большой Генеральный Штабъ: „въ отдачѣ, передачѣ и исполненіи оперативныхъ приказовъ".

Стало быть на подготовку высшаго командnаго состава и Генеральнаго Штаба и должно быть обращено особое вниманіе при созданіи будущей Россійской арміи въ томъ случаѣ, если мы не собираемся ограничиться при веденіи войны тяжеловѣсными формами позиціонной борьбы.

Что подобной жертвы не требуется, доказательствомъ можетъ служить исторія нашей арміи и прежде всего Суворовскіе начальники и войска. Но, конечно, въ современную эпоху научныя требованія къ начальнику неизмѣримо возросли.

Какъ поставить эту подготовку, мы размотримъ въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же мы установимъ, какъ выводъ, что наша будущая доктрина можетъ быть тактически наступательной и къ этому идеалу и слѣдуетъ стремиться, ибо тактически наступательная доктрина можетъ осуществить не только наиболѣе сильныя формы стратегическаго наступленія, но и наиболѣе сильныя формы стратегической обороны, и въ то же время только тактически наступательная доктрина отвѣчаетъ началамъ подвижной войны.

Децентрализованное или централизованное оперативное управленіе? Первое представляетъ собой идеалъ, къ которому нужно итти.

Но путь къ достиженію этого идеала для нашей арміи болѣе далекъ и труденъ, чѣмъ для армій съ болѣе культурными народными массами. Поэтому необходимо учесть это въ той части доктрины, въ которой устанавливается форма оперативнаго управленія. Въ крупныхъ чертахъ типы оперативнаго управленія могутъ быть охарактеризованы въ зависимости отъ того, какое начало получаетъ въ нихъ преобладающее значеніе: централизація или децен-

трализація? Въ вполнѣ современныхъ формахъ эти два типа выражены: первый, т. е. централизованное оперативное управленіе—во французской доктринѣ, второй, т. е. децентрализованное оперативное управленіе—въ нѣмецкой доктринѣ. Несомнѣнно, что послѣ опыта минувшей войны французская доктрина стала менѣе централистична, нежели она была до 1914 года, а германская стала менѣе децентрализованой, чѣмъ она была въ 1914 года; но тенденціи обѣихъ доктринъ къ разнымъ началамъ остаются всетаки ярко выраженными. Для этого нужно только сравнить любые два оперативные соотвѣтствующіе приказа по высшему войсковому соединенію, французскій и нѣмецкій. Первый—многословный, старающійся урегулировать второстепенные вопросы и предвидѣть варіанты дальнѣйшаго развитія обстановки. Второй — краткій, касающійся только главнаго и предоставляющій рѣшеніе всѣхъ второстепенныхъ вопросовъ взаимному согласованію частныхъ иниціативъ. Въ техническо-оперативномъ отношеніи приказы по 8-ой германской арміи и по 1-му германскому корпусу, приведеные въ нашемъ вышеупомянутомъ военно-историческомъ трудѣ *), представляютъ собой безупречные образцы.

Каждый изъ обоихъ типовъ управленія — централизованнаго и децентрализованнаго имѣетъ свои сильныя и слабыя стороны. Централизованное управленіе обезпечиваетъ большую упорядоченность веденіи операціи и боя. Поэтому оно является осуществленіемъ болѣе осторожнаго образа дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обезпечиваетъ ихъ внутреннее единство. Но зато оно требуеть для своего осуществленія болѣе времени. Старшій начальникъ долженъ успѣть много узнать о противникѣ для того, чтобы установить свое сложное рѣшеніе.

Децентрализованное оперативное управленіе не можетъ достигнуть такого же упорядоченнаго веденія операціи, въ особенности же боя. Оно должно считаться со многими нарушеніями единства дѣйствія; съ достаточно высокой научной подготовкой команднаго состава оно можетъ осуществить найбольшую быстроту дѣйствій. Старшій начальникъ, рѣшающій только главное, можетъ не ожидать столь же полнаго разъясненія обстановки, какъ это необходимо при централизованномъ управленіи.

Вотъ почему и французская и германская доктрины, сохраняя свои характерныя тенденціи, обѣ проводятъ въ позиціонной войнѣ большую централизацію, а въ подвижной — большую децентрализацію.

Слѣдовательно, въ томъ случаѣ, если будетъ признано, что наша будущая доктрина должна быть построена на началахъ подвижной войны, она должна возможно приближаться къ нѣмецкимъ методамъ оперативнаго управленія.

---

*) Изъ „Исторіи кампаніи 1914 года на русскомъ фронтѣ; начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи".

Какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ, путь къ идеалу дологъ и труденъ. Несомнѣнно, что съ плохо научно подготовленнымъ командным составомъ трудно пользоваться болѣе сложными пріемами. Во время войны старшій начальникъ долженъ будетъ считаться съ этими обстоятельствами. Но когда вопросъ идетъ о довоенной доктринѣ, то нужно прежде всего помнить, что принципъ „централизаціи“ управленія во время обученія мирнаго времени вредно отражается на развитіи въ арміи начала частнаго почина. Послѣдній представляетъ собой очень капризное растеніе; оно должно быть нѣжно лелѣяно умѣлой рукой. Малѣйшій неблагопріятный факторъ задерживаетъ его ростъ и даже губитъ его. Среди этихъ факторовъ самымъ вреднымъ является погоня за формальнымъ единообразіемъ, душащимъ всякую индивидуальность. Другимъ зломъ, мѣшающимъ развитію самодѣятельности частныхъ начальниковъ, является система управленія войсками, основанная на постоянномъ вмѣшательствѣ старшаго начальника. Какъ часто въ оправданіе подобнаго явленія приходилось до войны слышать жалобы на неподготовленность подчиненныхъ. Но эти жалобы являлись обыкновенно непониманіемъ того, что частный починъ не можетъ развиться тамъ, гдѣ старшій начальникъ не вѣритъ въ подчиненныхъ и во все вмѣшивается. Такимъ образомъ, создается какъ бы ложный кругъ: съ неподготовленнымъ командным составомъ управленіе должно быть централизованнымъ, централизованное управленіе мѣшаетъ соотвѣтствующей подготовкѣ командного состава.

Какими путями слѣдуетъ итти къ этому идеалу при еще недостаточно высокой подготовкѣ начальниковъ.

Вотъ какъ рѣшилъ этотъ вопросъ Мольтке: „При современныхъ требованіяхъ боя возникаетъ часто теоретическій вопросъ*), какая изъ сторонъ должна положить начало этому взаимному довѣрію, такъ настойчиво требуемому дѣломъ, управляющій или управляемый? Если этого довѣрія нѣтъ у перваго, то вторые часто будутъ ждать приказаній, пропускать благопріятные тактическіе моменты и часто страдать отъ противорѣчивыхъ распоряженій. А съ этимъ, очевидно, исчезаетъ и довѣріе съ ихъ стороны. Такимъ образомъ, *„начать долженъ начальникъ“*. Въ германской арміи практически дѣло осуществилось этимъ путемъ. Мольтке съ первыхъ шаговъ своихъ войнъ выказалъ непоколебимое довѣріе къ дѣйствіямъ частей арміи, которыми онъ руководилъ удивительно краткими, но несомнѣнно ясными приказаніями Ошибки ихъ онъ принималъ всегда со стоическимъ спокойствіемъ и считался съ ними въ дальнѣйшемъ. Имеино къ этому относятся его слова, что „стратегія состоитъ въ системѣ помощи“.

*) Шлихтингъ. Основы современной тактики и стратегіи, ч. II кн. 2.

а) Методъ Суворова. Для насъ представляетъ особый интересъ, какъ въ свое время относился къ вопросу о централизаціи и децентрализаціи управленія Суворовъ. Насколько велики были его требованія частнаго почина со стороны подчиненныхъ ему военноначальниковъ, свидѣтельствуютъ его приказы. Во время борьбы съ польскими конфедератами онъ приказываетъ: „спрашиваться старшихъ накрѣпко запрещено; но каждому постовому командиру въ его окружности дѣлать мятежникамъ самому собой скорый и крѣпкій ударъ подъ взысканіемъ за малую дѣятельность".

Во время Итальянской кампаніи онъ доводитъ свои требованія къ начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, выдѣленныхъ имъ для охраны армейской операціи, до высшей степени. „Мѣстный, — пишетъ онъ одному, слишкомъ буквально придерживающемуся даннаго ему оперативнаго приказанія, — въ его близости по обстоятельствамъ лучше судитъ, нежели отдаленный: онъ проникаетъ въ ежечасныя перемѣны ихъ теченія и направляетъ свои поступки по правиламъ воинскимъ. Я — вправо, должно влѣво, — меня не слушать. Я велѣлъ впередъ; ты видишь, — не иди впередъ".

Эта высшая степень децентрализаціи, которую генералъ Леѐръ назвалъ „тактикой противъ приказаній", легко приводитъ къ анархіи боевыхъ дѣйствій, а потому доступна только командному составу, стоящему на высшей ступени военно-научной подготовки. Большинство изъ соратниковъ Суворова этому условію не отвѣчало, и вышеприведенная записка относится къ одному изъ лучшихъ. Тѣмъ не менѣе, столь высокія требованія Суворова, хотя бы къ одному изъ своихъ лучшихъ генераловъ, характеризуютъ точку зрѣнія нашего великаго полководца. Какъ же боролся Суворовъ съ недостаточной подготовленностью своего командnаго состава для того, чтобы приблизиться къ намѣченному идеалу, безъ чего подвижность тактическая и быстрота дѣйствій трудно осуществима?

Суворову хорошо извѣстна тенденція нашего командnаго состава къ лобовымъ ударамъ, какъ къ тактической формѣ, требующей наименьшей мыслительной работы начальника. Поэтому въ своей *„Наукѣ побѣждать"* онъ не стѣсняется совершено опредѣленно высказывать свое предпочтеніе къ фланговой атакѣ, въ особенности же къ атакѣ слабаго непріятельскаго фланга.

„Въ баталіи полевой три атаки.

Въ крыло, которое слабѣе.

Крѣпкое крыло закрыто лѣсомъ. Это не мудрено. Солдатъ пробьется и болотомъ. Тяжело черезъ рѣку, безъ моста не перебѣжишь. Шанцы всякіе перескочишь.

Атаку въ середину не выгодно, развѣ конница хорошо рубить будетъ, а иначе сами сожмутъ.

Атака въ тылъ очень хороша; только для небольшого корпуса, а арміи заходить тяжело."

Подобныя опредѣленныя указанія противниками всякой доктрины приравнивались къ трафарету. Между тѣмъ Суворовъ менѣе, чѣмъ кто-либо изъ другихъ полководцевъ, можетъ быть обвиненъ въ любви къ трафарету. И все же онъ въ эпоху ударной тактики такъ ярко высказываетъ свое предпочтеніе къ удару во флангъ. Какъ далеки отъ такой опредѣленности туманныя тактическія указанія нашихъ бывшихъ уставовъ и инструкцій, въ которыхъ подъ предлогомъ того, что на войнѣ „обстановка повелѣваетъ", писались одни общія мѣста.

Суворовъ не ограничивается только ясностью и опредѣленностью своихъ общихъ указаній. Для достиженія наибольшей быстроты дѣйствія и маневренной способности своей арміи, несмотря на существующіе недочеты, онъ не стѣсняется „учить" передъ каждымъ предстоящимъ частнымъ случаемъ. Съ этой цѣлью на почвѣ своей общей основной доктрины онъ создаетъ какъ бы рядъ частныхъ доктринъ, отвѣчающихъ болѣе узкой обстановкѣ ожидаемаго частнаго случая. Въ этомъ именно смыслѣ должно быть истолковано слѣдующее мѣсто изъ „Науки побѣждать":

„Не довольно, чтобы одни главные начальники были оповѣщены о планѣ дѣйствій. Необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войска согласно съ нимъ. Мало того; даже баталіонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его; по той же причинѣ — даже унтеръ-офицеры и рядовые. Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ. Тайна есть только предлогъ, больше вредный, чѣмъ полезный. Болтунъ и безъ этого будетъ наказанъ".

Слѣдуетъ отмѣтить, что вышеприведенныя слова Суворова упорно понимались, какъ сообщеніе задачъ, возложенныхъ на высшія войсковыя соединенія и во всѣ младшія инстанціи. Это вело къ механическому переписыванію высшихъ приказовъ и фактически къ затрудненію соблюденія тайны операціи. Никто не обратилъ вниманія на то, что Суворовъ говоритъ о „планѣ дѣйствій", т. е. объ избранныхъ методахъ дѣйствія. Наличія „плана дѣйствій" онъ требуетъ даже для самыхъ мелкихъ боевыхъ ячеекъ и чтобы въ установленіи этого плана дѣйствій высшее начальство принимало самое дѣятельное и активное участіе.

Дабы пояснить правильность нашего пониманія Суворовской системы управленія, мы приведемъ слѣдующій примѣръ.

Когда въ войну 1799 г. Суворовъ быстро повелъ часть своихъ войскъ навстрѣчу двигавшемуся изъ Тосканы Макдональду, стратегическая обстановка складывалась такъ: соединеніе Макдональда съ Моро угрожаетъ низвести на нѣтъ

уже достигнутые успѣхи и даже грозитъ неудачей всей кампаніи; выгоды центральнаго положенія позволяли Суворову разбить обоихъ французскихъ генераловъ порознь. Такимъ образомъ, предстояло быстро двинуться навстрѣчу Макдональду и дать ему втрѣчный бой. Въ свою очередь, Макдональдъ, съ цѣлью не дать Суворову возможности использовать центральное положеніе, велъ свою армію, крайне форсируя движеніе. Ясно, что предстоящее движеніе должно было отразить въ себѣ всѣ особенности встрѣчнаго боя въ наиболѣе рѣзкихъ формахъ. Въ такомъ случаѣ особенное значеніе получаетъ энергія перваго натиска встрѣчающихся войскъ, такъ какъ во встрѣчномъ бою „кто первый палку въ руки взялъ, тотъ и капралъ“. Для достиженія быстроты развитія боя должна быть проведена децентрализація въ веденіи боя; особенное значеніе пріобрѣтаютъ угрозы флангамъ; успѣхъ долженъ быть развитъ энергичнѣйшимъ преслѣдованіемъ. Геніальность Суворова выразилась въ данномъ случаѣ въ томъ, что онъ съумѣлъ не только правильно понять свое положеніе, но и предугадать методы Макдональда. Въ этомъ можно убѣдиться изъ словъ Суворова, сказанныхъ Багратіону, командовавшему авангардомъ и просившему разрѣшенія полководца повременить нападеніемъ, пока подтянется хотя часть отсталыхъ, потому что въ ротахъ не насчитывалось и по 40 человѣкъ. На это Суворовъ сказалъ ему на ухо: „А у Макдональда нѣтъ и по 20-ти. Атакуй съ Богомъ. Ура!“.

Исходя изъ ожидаемыхъ условій боя, Суворовъ отдаетъ еще за три дня до встрѣчи слѣдующій приказъ:

Приказъ по союзной арміи.

Непріятеля поражать холоднымъ оружіемъ, штыкомъ, саблями и пиками*). Артиллерія стрѣляетъ по своему разсмотрѣнію, почему она по линіи не расписывается**). Кавалерія и казакамъ стараться непріятелю во флангъ ворваться ***).

Въ атакѣ не удерживать ****).

Когда непріятель будетъ сколотъ, срубленъ, тотчасъ преслѣдовать его и не давать ему времени ни собираться, ни строиться. Если непріятель будетъ сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружіе. При атакѣ кричать, чтобы непріятель сдавался, о чемъ всѣ войска извѣстить. Не взирая на труды, преслѣдовать непріятеля денно и нощно до тѣхъ поръ, пока исгребленъ не будетъ *****).

---

*) Подчеркивается значеніе рѣшительности атаки.

**) Разрѣшается децентрализація огня для ускоренія артиллерійскаго содѣйствія.

***) Подчеркивается значеніе дѣйствій во флангъ.

****) Быстрота развитія наступленія ставится впереди ударной цѣльности атаки.

*****) Подчеркивается энергичное преслѣдованіе.

Чтобы котлы и прочіе легкіе обозы были не въ дальнемъ разстояніи при сближеніи къ непріятелю, дабы по разбитіи его можно было каши варить. А, впрочемъ, побѣдители должны быть довольны взятымъ въ ранцахъ хлѣбомъ и въ манеркахъ водою.

Кавалерія должна о фуражѣ сама пещись.

Суворовъ.

Александрія, 3 іюня 1799 г.

Независимо отъ этого приказа отдавались диспозиціи. Въ одной изъ нихъ, отъ 1 го іюня, былъ точно указанъ тотъ боевой порядокъ, въ который по правиламъ линейной тактики должны выстраиваться войска. Такимъ образомъ, приказъ по арміи отъ 3 іюня не представлялъ собой то, что мы обыкновенно понимаемъ подъ словомъ „оперативный приказъ". Это инструкція, какъ дѣйствовать въ предстоящемъ бою. Полководецъ, на основаніи ему одному извѣстныхъ данныхъ, бралъ на себя рѣшеніе задачи выбора методовъ веденія боя и сообщалъ это рѣшеніе до самыхъ низовъ арміи. Вотъ какъ онъ самъ выполнялъ свою мысль, чтобы „каждый воинъ понималъ свой маневръ".

Методъ Мольтке. Проводя свою доктрину, фельдмаршалъ Мольтке, какъ мы видѣли выше, тоже долженъ былъ считаться съ еще не созрѣвшимъ для воспріятія его доктрины командным составомъ. По существу дѣла онъ пошелъ путемъ Суворова съ тою только разницей, что его единоличную работу онъ замѣнилъ работою коллективовъ, а именно Большимъ Генеральнымъ Штабомъ изъ лично выбраныхъ и лично подготовленныхъ имъ лицъ и еще въ томъ, что эту работу велъ въ теченіе долгихъ лѣтъ мира, натаскивая командный составъ на частныхъ случаяхъ путемъ рѣшенія задачъ на картахъ, военныхъ игръ, полевыхъ поѣздокъ и маневровъ. Тотъ же созданный имъ органъ, но взятый въ болѣе широкихъ рамкахъ всего Генеральнаго Штаба, долженъ былъ въ случаѣ войны послужить кадромъ „подсказчиковъ" для оказавшихся несостоятельными высшихъ начальниковъ. Но сознавая, что этотъ путь очень скользкій, въ особенности же въ области высшаго командованія, Мольке вставляетъ въ работу Прусскаго Генеральнаго Штаба о войнѣ 1859 года слѣдующія строки:

„Въ большинствѣ случаевъ Главнокомандующій предпочтетъ воспользоваться совѣтомъ. Можетъ случиться, что совѣтъ этотъ будетъ результатомъ обсужденія многихъ лицъ, которыхъ талантъ и опытность дѣлаютъ способными вѣрно судить о положеніи дѣла; но въ этомъ случаѣ одно мнѣніе должно господствовать надъ всѣми прочими".

„Военно-іерархическая организація должна здѣсь притти на помощь въ дѣлѣ субординаціи мысли".

„Только подобное мнѣніе и должно быть представлено на критическое обсужденіе военноначальника и притомъ однимъ лицомъ, которому дано на то право и даже это поставлено въ обязанность. Пусть это единственное лицо будетъ избрано самимъ военноначальникомъ, не по старшинству, а только по личному довѣрію. Хотя данный совѣтъ и можетъ оказаться далеко не лучшимъ, но онъ долженъ быть исполненъ съ полной послѣдовательностью и энергіей, стремясь неуклонно къ разъ поставленной цѣли, и дѣло еще можетъ окончиться успѣшно. Даже при наличіи совѣтника у военноначальника остается еще чрезвычайно большая заслуга, — это принятіе на себя отвѣтственности за приведеніе въ исполненіе полученнаго совѣта".

„Если же военноначальникъ будетъ окруженъ нѣсколькими независимыми другъ отъ друга лицами (чѣмъ ихъ будетъ больше, чѣмъ они будутъ выше поставлены и чѣмъ они будутъ умнѣе, тѣмъ хуже); если онъ будетъ слушаться совѣтовъ то одного, то другого; если онъ приметъ для исполненія дѣльное предложеніе одного, но только до извѣстнаго предѣла, затѣмъ примегъ предложеніе другого, можеть быть даже лучшее, но противорѣчащее первому, если, далѣе, онъ согласится хотя и съ вполнѣ основательными возраженіями третьяго и со способами устраненія замѣченныхъ дефектовъ, предложенныхъ четвертымъ, то смѣло можно ручаться 100 противъ 1, что при такихъ мѣрахъ какъ бы онѣ сами по себѣ не были хороши и какъ бы не были хорошо мотивированы, онъ проиграетъ кампанію".

„Въ каждой главной квартирѣ встрѣчаются лица, которыя съ большой проницательностью умѣютъ выставить на видъ трудныя стороны предложенной операціи. При первомъ же осложненіи они вамъ докажутъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что они все предсказывали. Они всегда правы, такъ какъ, остерегаясь предложить что-либо положительное и не принимая на себя исполненія чего-либо, они не могутъ быть изобличены *)".

Примѣненіе офицеровъ Генеральнаго Штаба въ роли „подсказчиковъ" широко практиковалось у насъ. Скажемъ даже, слишкомъ широко. Изъ за этой временной, такъ сказать, „случайной" функціи Генеральнаго Штаба мы даже не разсмотрѣли основную и главную задачу Генеральнаго Штаба. Введеніе въ обиходъ арміи института „подсказчиковъ", какъ мы уже говорили выше, путь опасный. Онъ какъ бы узаконяетъ несостоятельность командnаго состава. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ создаетъ вредную атмосферу на верхахъ управленія и раз-

*) Не лишено интереса прочесть съ этой точки зрѣнія „Письма Боткина", излагающія впечатлѣнія совершенно сторонняго, но умнаго наблюдателя жизни нашей главной квартиры въ войны 1877—78 гг.

вращаетъ офицеровъ Генеральнаго Штаба. Вотъ почему, не отрицая того, что намъ на первыхъ порахъ не миновать этого пути, мы всетаки считаемъ нужнымъ настаивать на вредной сторонѣ этого палліатива. Устройство нашего будущаго Генеральнаго Штаба должо учитывать эту особенность его работы въ первые годы возрожденія Русской арміи и организаціонными мѣрами предотвратить ея вредныя послѣдствія.

Зависимость нашихъ дѣйствій отъ качества армій вѣроятныхъ противниковъ.

Война есть двусторонняя борьба. Качество непріятельскихъ войскъ непремѣнно на ней отражается.

Германскій Генеральный Штабъ, учитывая меньшую маневренную способность нашей арміи, какъ мы видѣли выше, счелъ въ 1913 году себя въ правѣ сдѣлать такой выводъ: „Нѣмецкое командованіе можетъ позволить себѣ такіе маневры, на которые оно при равноцѣнномъ противникѣ рѣшиться не можетъ". Отсюда и вытекла идея активной обороны Восточной Пруссіи, въ которой нашла приложеніе рѣзко наступательная тактическая германская доктрина.

Учетъ свойствъ противника въ еще болѣе яркой формѣ находитъ мѣсто въ Суворовской „Наукѣ побеждать".

„Баталія въ полѣ: линіей противъ регулярныхъ, карeями противъ бусурмановъ.

А можетъ случиться и противъ турковъ, что пятисотною кареею надлежать будетъ прорвать пяти и семи тысячную толпу съ помощью фланговыхъ кареевъ. На тотъ случай, — бросится онъ въ колонну, но въ томъ до сего нужды не бывало.

Есть безбожные, вѣтренные, сумасбродные французишки: они воюютъ на нѣмцевъ и иныхъ колоннами. Если бы намъ случилось противъ нихъ, то надобно ихъ бить колонами же".

Про предугадываніе того, что будетъ дѣлать противникъ, Наполеонъ сказалъ: „C'est la partie divine de l'art". И, дѣйствительно, учетъ свойствъ противника представляетъ собой еще болѣе трудную задачу, нежели оцѣнка свойствъ своей арміи.

Во время самой войны для высшаго командованія эта трудная работа облегчается накопленіемъ опыта До какихъ деталей можно довести развѣдывательную работу въ этомъ направленіи, мы приведемъ небольшой примѣръ изъ личной практики.

Эта данная можетъ учитываться во время войны.

Въ бытность нашу начальникомъ штаба 7-й арміи, мы приказали развѣдывательному отдѣленію штаба завести на каждую прибывшую противъ фронта 7-й арміи непріятельскую дивизію особую карточку. На этой карточкѣ отмѣчался составъ дивизіи и

происходящія въ немъ измѣненія (въ командномъ составѣ, въ составѣ частей, въ численности и т. д.). Правильно поставленный опросъ плѣнныхъ давалъ для этого достаточный матеріалъ. На обратной сторонѣ карточки должно было отмѣчаться, сколько и въ какомъ бою данная дивизія потеряла плѣнныхъ. Для того, чтобы составить „формуляръ“ дивизіи за болѣе продолжительный срокъ, мы запрашивали о нужныхъ намъ данныхъ штабы армій, передъ которыми раньше находилась интересующая насъ дивизія. Въ результатѣ данныя о потерянныхъ дивизіями плѣнныхъ позволяли намъ имѣть совершенно опредѣленныя представленія о „качествѣ“ многихъ непріятельскихъ дивизій, и это „качество“ учитывалось въ нашихъ оперативныхъ разсчетахъ. Доступное въ сравнительно ограниченныхъ рамкахъ для штаба арміи представляетъ болѣе широкія возможности для Штаба Главнокомандующаго и для Ставки, въ рамкахъ которыхъ сосредотачивается обширнѣйшій матеріалъ.

Но эта данная трудно учитывается для Европейскихъ Армій передъ войной.

Таково положеніе во время войны. Но въ мирное время оно несравненно труднѣе. Опыта нѣтъ, и только очень рѣзко выраженныя свойства противника могутъ быть учтены до-военной доктриной. Обратимся опять къ „Наукѣ побѣждать“.

Суворовъ кладетъ въ ея основу борьбу противъ наиболѣе сильнаго противника, а именно „противъ регулярныхъ“.

Но свойство турокъ, съ которыми приходилось, главнымъ образомъ, воевать Суворову, очень рѣзко отличались отъ „регулярныхъ“; противъ ихъ „тольпъ“ онъ и указываетъ дѣйствовать карeями.

Наконецъ, отъ его зоркаго глаза не могло укрыться нарожденіе совершенно новыхъ формъ тактики во французской революціонной арміи. Онъ предупреждаетъ и о нихъ.

Въ переживаемое нами время всѣ Европейскія арміи очень близки между собой въ своемъ тактическомъ обученіи. Даже различіе между двумя ярко выраженными системами — французской и германской — теперь послѣ большой войны, не велики, и каждая изъ нихъ много позаимствовала одна у другой. Такъ что въ смыслѣ такихъ же различій въ дѣйствіяхъ, какъ это имѣло мѣсто при Суворовѣ между „регулярными“ „турецкими толпами“ и „сумасбродными французишками“, обернувшись на Западъ, Россія не увидитъ. Не увидитъ это она, если повернется на 180 градусовъ кругомъ: японцы самые вѣрные ученики нѣмцевъ. Турки, персы, Авганистанъ, Китай-тутъ она, дѣйствительно, увидитъ, въ случаѣ войны, противника, сильно отличающагося отъ западныхъ и восточныхъ сосѣдей.

„Равненіе по“ болѣе сильному и „современно“ организованному противнику.

Но если Суворовъ въ эпоху, когда главный нашъ врагъ былъ турки, стоявшіе на пути историческаго движенія Россіи къ берегамъ Чернаго моря, всетаки свою „Науку Побѣждать“ строитъ на основѣ „регулярщины“, то будущей Россіи, нормальному развитію которой будутъ мѣшать сосѣди на Западѣ, тѣмъ болѣе нужно строить доктрину борьбы противъ организованной и технически оборудованной въ современномъ смыслѣ слова арміи.

Часто приходится встрѣчать, что въ оцѣнку боевой силы нашихъ западныхъ сосѣдей вводится поправка въ видѣ низкой оцѣнки качествъ румынскаго и польскаго бойца. Противъ подобной поправки мы и хотимъ предостеречь. Доля истины въ этомъ есть. Въ нормальныхъ условіяхъ русскій солдатъ окажется выше румынскаго и польскаго. Но перволинейныя войска, выступающія съ объявленіемъ войны, заключаютъ всѣ свои кадры. А между профессіоналами каждой изъ этихъ армій, обученныхъ по современному, не можетъ быть такой же большой разницы, какъ между сырымъ войсковымъ матеріаломъ. Различіе въ боевой силѣ между частями въ началѣ войны будетъ зависѣть отъ другихъ причинъ: отъ численности кадровъ и отъ достаточнаго количества современнаго вооруженія. Вотъ почему мы и считаемъ, что доктрина будущей Россійской арміи не можетъ строиться на признаніи п р и р о ж д е н н а г о качественнаго превосходства нашихъ войскъ. Въ основу должна быть положена идея борьбы съ качественно равноцѣннымъ противникомъ. Подобное признаніе отнюдь не должно означать пренебреженія съ нашей стороны къ мѣрамъ, нужнымъ для поднятія боевыхъ качествъ нашей арміи. Это только выполненіе одного изъ основныхъ правилъ войны, данныхъ намъ всѣми великими, полководцами „не относиться съ пренебреженіемъ къ врагу“. Въ этомъ отношеніи примѣромъ можетъ служить французская „instruction provisoire sur l'émploi tactique des grandes Unités“.

Доктрина, проповѣдуемая этой инструкціей, ограничиваетъ себя рамками условій борьбы на восточномъ фронтѣ, т. е. съ главнымъ врагомъ Франціи. Она построена на признаніи качественной равноцѣнности французскихъ и германскихъ войскъ, вопреки естественному чувству превосходства, присущему каждому народу послѣ одержанной побѣды. Эта инструкція идетъ далѣе. Версальскій договоръ въ параграфахъ 159—202 разрѣшаетъ Германіи содержать армію общей численностью въ 100.000 человѣкъ; параграфы 164 и 165 этого договора ограничиваютъ число пулеметовъ легкихъ, тяжелыхъ, число легкихъ пушекъ въ нѣмецкихъ дивизіяхъ; въ дальнѣйшихъ параграфахъ Германія совершенно лишена права имѣть тяжелую артиллерію, военную авіацію, танки и выдѣлывать

военные газы. Тѣмъ не менѣе, французская инструкція построена на идеѣ борьбы съ противникомъ, технически равнооборудованнымъ. Въ концѣ рапорта, поданнаго военному министру, предсѣдатель комиссіи, составлявшей эту инструкцію, Маршалъ Петенъ настаиваетъ, что комисія считала безполезнымъ отыскивать обобщенія, годныя для борбы во всѣхъ случаяхъ. Комиссія „опасалась при такомъ методѣ дать лишь общія формулы, слишкомъ далекія отъ практическихъ требованій".

„Въ этомъ же порядкѣ мыслей она считаетъ нужнымъ напомнить, что инструкція имѣетъ въ виду только боевыя дѣйствія противъ непріятеля, обладающаго равноцѣннымъ вооруженіемъ и воодушевленнаго одинаковой волей къ борьбѣ. Боевыя дѣйствія противъ непріятеля, вооруженіе и обученіе котораго будетъ значительно ниже, должно составить предметъ другой инструкціи".

Будущая Россійская вооруженная сила должна созидаться такими же методами. Въ основѣ ея должна быть положена идея готовности къ борбѣ съ западными сосѣдями при полномъ уваженіи къ боевымъ качествамъ ихъ войскъ и къ современности ихъ вооруженія. Эта доктрина должна быть основной. Видоизмѣненія же, нужныя для борьбы въ другихъ условіяхъ, должны составишь предметъ дополнительныхъ разработокъ.

Очеркъ 4-й.

Значеніе современнаго огня.

Наше предубѣжденіе

Въ нашей арміи, подъ вліяніемъ войнъ съ Турціей, на Кавказѣ, въ Туркестанѣ и съ другими технически отсталыми народами, очень прочно держался предразсудокъ, что будто бы вѣра въ силу огня вредно отражается на духѣ войскъ. Вслѣдствіе этого мы упорно цѣплялись за принципы устарѣлой ударной тактики, думая оживить ее компромиссами съ огневой доктриной. Въ результатѣ могла получиться мѣшанина, подобно нашему „Уставу Полевой Службы", изд. 1912 года.

Опросъ, сдѣланный нами среди 400 участниковъ руководимыхъ нами кружковъ высшаго военнаго самообразованія, показалъ, что этотъ предразсудокъ еще прочно живетъ въ рядахъ нашего командnаго состава. Специфическія условія гражданской войны способствовали оживленію этого стараго предразсудка. „Нужно обратить особое вниманіе, чтобы развитіе техники не шло въ ущербъ духу", пишутъ многіе изъ участниковъ.

Основной психологическій законъ боя.

Вотъ почему мы и считаемъ нужнымъ нѣсколько дольше остановиться на разсмотрѣніи этого предразсудка. Въ нашемъ печатномъ трудѣ: *„Изслѣдованіе боя; изслѣдованіе дѣятельности и свойствъ человѣка, какъ бойца“* (издано въ 1907 г.) мы пришли къ окончательному выводу о существованіи вѣчнаго „психологическаго закона боя“, заключающагося въ томъ, что „каждый бой кончается не исчерпаніемъ матеріальныхъ силъ и средствъ, а психологическимъ актомъ: отказомъ отъ борьбы одной изъ сторонъ“. Этотъ „отказъ отъ борьбы“ выражается очень многообразно, начиная съ „отказа отъ борьбы“ старшаго начальника, отдающаго приказаніе прекратить наступленіе или отступить съ обороняемой позиціи, или въ видѣ „отказа отъ борьбы“ нѣкоторыхъ частныхъ начальниковъ, прекращающихъ атаку своихъ частей или отступающихъ, донося старшему начальнику о невозможности выполненія отданнаго имъ приказанія, или, наконецъ, въ „отказѣ отъ борьбы“ бойцовъ, выражающемся сначала въ уклоненіи отъ боя слабыхъ духомъ (залегшіе въ цѣпи, уходящіе подъ различными предлогами изъ боя, „палечники“ и т. д), а затѣмъ въ своихъ крайнихъ формахъ, принимающемъ характеръ стихійнаго отступленія до паническаго бѣгства включительно.

Этотъ „законъ боя“ и является основнымъ „закономъ войны“. Окончаніе войны тоже представляетъ собой прежде всего психологическій актъ „отказа отъ борьбы одной изъ воюющихъ сторонъ“.

Этотъ основной законъ войны получилъ свое полное подтвержденіе въ только что минувшей войнѣ.

Нужно ли доказывать это намъ, русскимъ? Исторія нашей революціи и большевизма можетъ быть объяснена только на основаніи этого закона.

Тоже самое мы увидимъ и у всѣхъ воевавшихъ народовъ. Слова Гинденбурга, что „побѣдитъ тотъ народъ, у котораго нервы крѣпче“, есть лишь перефразировка вышеуказаннаго закона.

Психологическій процессъ наростанія „отказа отъ борьбы“.

Показанія побѣдителей еще болѣе интересны, такъ какъ психологическое наростаніе процесса „отказа отъ борьбы“ происходитъ одновременно внутри обоихъ воюющихъ фронтовъ. У побѣжденнаго этотъ процессъ лишь скорѣе завершается. Разсмотрѣніе этого разлагающаго процесса у побѣдителя, благодаря болѣе медленному теченію, позволяетъ лучше видѣть его сущность. Дабы не быть заподозрѣннымъ въ тенденціозности защиты ранѣе поставленнаго утвержденія, мы приведемъ выдержки изъ уже упомянутой выше книги генерала Сериньи *„Размышленіе о военномъ искусствѣ“*).*

*) „Reflexions sur l'art de la guerre“.

„Побѣда одерживается тогда, пишетъ генералъ Сериньи, когда у противника нарушено внутреннее тактическое единство, т. е. когда нарушено управленіе и когда безпорядокъ проникаетъ въ ряды войскъ. Путь этотъ безпорядокъ проистекаетъ отъ исчезновенія въ душѣ начальника энергіи, необходимой для веденія боя, или отъ того, что войска не хотятъ больше повиноваться, — не въ этомъ дѣло. Сущность заключается въ моральномъ кризисѣ, въ потерѣ вѣры въ побѣду. Матеріальныя формы являются лишь внѣшнимъ выраженіемъ этого кризиса духа".

„Потеря вѣры въ побѣду начинается среди тѣхъ, кто не дерется. Маршалъ Мармонъ въ своемъ трудѣ „Духъ военной организаціи" *) разсказываетъ, что въ древнихъ фалангахъ всегда люди заднихъ рядовъ начинали бѣгство **). Въ бояхъ минувшей войны это явленіе повторялось и здѣсь обыкновенно писаря и личный составъ различныхъ тыловыхъ учрежденій были первыми сѣятелями паники. Противоположное было бы удивительно: менѣе привыкшіе къ боевымъ впечатлѣніямъ, влитые при мобилизаціи въ ничтожные „кадры", въ особенности же потому, что ихъ вниманіе не можетъ быть приковано дѣйственнымъ участіемъ въ бою, эти люди естественно должны являться морально менѣе устойчивыми".

„Утеря вѣры въ побѣду поразительно растетъ по мѣрѣ удаленія отъ поля бытвы. Подъ вліяніемъ какъ бы оптическаго недостатка все преувеличивается: и успѣхъ и неудача. Вмѣсто того, чтобы видѣть реальное положеніе вещей, тылъ живетъ впечатлѣніями разсказовъ раненыхъ и уклонившихся, которые излагаютъ событія въ зависимости отъ состоянія своего духа. Преувеличеніе становится, такимъ образомъ, правиломъ. Можно утверждать, что происходящія въ дѣйствительности событія никогда не бываютъ столь хороши или плохи, какъ онѣ кажутся сразу вдали отъ фронта".

„Вотъ почему становится понятнымъ, что начальникъ крупнаго войскового соединенія можетъ быть духовно потрясенъ событіями ранѣе, нежели его войска".

„Подобные случаи многочисленны какъ у насъ, такъ и у нашихъ союзниковъ и нашихъ враговъ. Тѣмъ болѣе нужно восхищаться маршаломъ Жофромъ, когда онъ 24 февраля 1916 г. въ Шантильи принималъ генерала Петена, вызваннаго имъ для назначенія командующимъ арміей у Вердена. Въ эту мунуту, когда въ его штабѣ царила полная растерянность, маршалъ Жофръ сохранялъ полное спокойствіе духа и, добродушно улыбаясь сказалъ: „Ничего, Петенъ, дѣла идутъ недурно".

„Подобное спокойствіе духа старшаго начальника въ трагическія минуты — это все. Если бы онъ, морально поколе-

*) Маршалъ Мармонъ основываетъ этотъ выводъ, на показаніяхъ Вегеція.

**) L'esprit des institutous militairds.

бленный, это показалъ, если угнетеніе его духа отразится на какомъ нибудь изъ его распоряженій, его настроеніе распространится съ неимовѣрной быстротой; его сомнѣнія удесятерятся въ силѣ на каждой ступени командованія; управленіе потеряетъ увѣренность и начнетъ становиться безпорядочнымъ; внизу появится растеряность и паника; вѣра въ побѣду теряется... и единство дѣйствій утрачивается".

„Чѣмъ болѣе удаляешься отъ поля бытвы, тѣмъ болѣе извращаются событія на фронтѣ; дурныя вѣсти по мѣрѣ передачи стоустой молвой вырастаютъ, и вмѣстѣ съ ними растетъ, назовемъ его своимъ именемъ, страхъ. Воображеніе играетъ тутъ свою обычную роль, наполняя умы страхомъ передъ всевозможными опасностями. Удаленіе отъ этихъ опасностей только увеличиваетъ ужасъ передъ ними. Пессимизмъ такъ же, какъ и во время Ксенофонта, начинаетъ развиваться съ самыхъ заднихъ рядовъ. Въ итогѣ кризисъ вѣры въ побѣду въ тылу, а въ современную войну прежде всего теряетъ эту вѣру самъ народъ... Это явленіе очень ясно обнаружилось у насъ въ видѣ начавшагося въ нѣкоторыхъ кругахъ пораженчества. Послѣднее прежде всего оказало вліяніе на войсковыя части, снятыя съ фронта для отдыха, и къ которымъ эта гангрена была принесена отпускными, вернувшимися изъ глубокаго тыла. Тоже самое произошло у непріятеля въ 1918 году въ октябрѣ: вся Германія была охвачена смутой, полки, находящіеся въ тылу, подняли красные флаги и срывали съ офицеровъ погоны и ихъ знаки отличія въ это же самое время войска, находившіяся на фронтѣ, продолжали ожесточенно драться. Послѣ заключенія перемирія эти войска, не заразившись анархіей, перешли Рейнъ въ самомъ большомъ порядкѣ и содѣйствовали возстановленію порядка въ Имперіи".

Статистика потерь побѣдителя, какъ показатель предѣла моральной упругости войскъ.

Законъ „отказа отъ борьбы" также вѣченъ, какъ неизмѣнны основныя чувства человѣка и, прежде всего, его подверженность чувству страха передъ грозящей ему опасностью смерти.

Офицеръ австрійскаго Генеральнаго Штаба Отто Берндтъ лѣтъ 20 тому назадъ выпустилъ книгу подъ заглавіемъ „Zahl im Kriege". Центръ тяжести этого труда заключается въ статистическомъ изслѣдованіи потерь въ различныхъ сраженіяхъ. Использовавъ этотъ замѣчательный трудъ и дополнивъ его данными, касающимися другихъ главнѣйшихъ сраженій, мы сдѣлали слѣдующіе выводъ*).

1. Показателемъ боевыхъ качествъ войскъ является наибольшій процентъ потерь, при которыхъ они всетаки одержи-

*) Лекція по „Психологіи войны", прочитанная нами въ Institut d'études Slaves Sorconne въ осенній симестръ 1922 г.

ваютъ побѣду; эта „цѣна крови“, которую войска готовы уплатить за побѣду, опредѣляетъ предѣлъ „моральной упругости войскъ“.

Процентъ потерь „побѣжденнаго“ заключаетъ въ себѣ также и тѣ потери, которыя онъ понесъ уже послѣ своего моральнаго кризиса; онъ заключаетъ въ себѣ потери, понесенныя во время „борьбы за побѣду“ и потери, понесенныя имъ послѣ „отказа отъ борьбы“, при этомъ послѣднія много превосходятъ первыя. Поэтому процентъ потерь, понесенныхъ побѣжденнымъ, не можетъ служить такимъ же характернымъ показателемъ „моральной упругости войскъ“, какъ процентъ потерь побѣдителя.

2. Предѣлъ „моральной упругости войскъ“ несравненно меньше, чѣмъ это принято думать. Слова: „войска дрались до послѣдняго человѣка“ — представляютъ ничто иное, какъ тѣ громкія слова, которыми побѣжденный успокаиваетъ свое самолюбіе.

Наиболѣе правильное представленіе объ этомъ предѣлѣ можетъ дать изслѣдованіе потерь въ сраженіяхъ, проведенныхъ холоднымъ оружіемъ. Въ современномъ бою, расползшемся въ пространствѣ и во времени, моральный кризисъ борьбы не проявляется рѣзко и быстро. Вмѣстѣ съ этимъ при могуществѣ огнестрѣльнаго оружія войсковая часть можетъ, не участвуя фактически въ борьбѣ, быть почти уничтожена. По этому процентъ потерь современнаго побѣдителя заключаетъ въ себѣ и потери частей „морально побѣжденныхъ“.

Изучая потери лучшихъ войскъ древнаго міра — римлянъ, мы можемъ убѣдиться, что предѣлъ ихъ „моральной упругости“ никогда не превышалъ 20%, тогда какъ въ другихъ войскахъ древней исторіи онъ опускался ниже 15%.

Конечно, эти выводы могутъ быть приложены только тогда, когда изслѣдованіе ведется въ очень широкомъ масштабѣ и когда, слѣдовательно, „законъ большого числа“ можетъ проявиться въ полной силѣ. Вотъ почему было бы совершенно ненаучно сдѣлать отсюда выводъ, что рота или эскадронъ, понесшій 20% потерь, имѣетъ право прекратить свое наступленіе. Подобное заключеніе можно уподобить разсужденію автомобилиста, который по истеченіи извѣстнаго срока считалъ бы себя въ правѣ давить публику подъ тѣмъ предлогомъ, что статистика указываетъ, что 1 несчастный случай приходится на общій пробѣгъ въ 10.000 верстъ.

Высшая военная наука въ своихъ общихъ выводахъ должна основываться на „среднихъ“ величинахъ, иначе она удалится съ пути реальностей и превратится въ метафизику.

Учетъ процента побѣдныхъ потерь въ новѣйшихъ войнахъ несравнено сложнѣе, чѣмъ въ прежнія эпохи, когда сраженія длились не болѣе одного дня, а потому представляли собой непрерывный въ психологическомъ отношеніи актъ

борьбы. Поэтому изученіе моральнаго напряженія войскъ въ современномъ сраженіи слѣдуетъ вести, разчленивъ это сраженіе на боевые дни. Только въ этомъ случаѣ мы приблизимся къ учету психологически непрерывныхъ очаговъ борьбы.

Подобное изученіе потерь, понесенныхъ войсками въ новѣйшихъ сраженіяхъ, показываетъ намъ, что предѣлъ моральной упругости, свойственный римлянамъ въ эпоху наивысшаго состоянія ихъ вооруженной силы, является достижимымъ лишь для лучшихъ армій. Насколько низко опускается этотъ предѣлъ въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, можно судить по слѣдующимъ двумъ фактамъ.

1. Побѣды надъ Итальянскими арміями, какъ правило, одерживались въ XIX столѣтіи съ потерями у побѣдителей, не превосходящими $3^0/_0$.

2. Побѣды нѣмцевъ въ первый періодъ войны 1870—71 годовъ надъ арміями Императора Наполеона III одерживались при среднихъ потеряхъ въ $9^0/_0$, во второмъ же періодѣ войны, когда нѣмцамъ приходилось имѣть дѣло съ наскоро сформированными арміями 3-ей республики, побѣдное напряженіе нѣмцевъ въ сраженіяхъ не превосходило — $2^0{}_0$, патріотическое чувсто французовъ не могло восполнить недостатка тактической организованности арміи.

Такимъ образомъ, и тотъ предѣлъ моральной упругости войскъ, который устанавливается „закономъ большого числа“, можетъ быть достигнутъ только при наличіи особо благопріятствующихъ условій.

Капиталъ „побѣдной крови“ не такъ великъ, какъ это принято думать.

При такой точкѣ зрѣнія слова Петра Великаго о „побѣдахъ малою кровью“ полны глубокаго психологическаго смысла. Создателя нашей регулярной арміи съ его желѣзной волей наврядъ ли можно заподозрить въ нерѣшительности и страхѣ передъ пролитіемъ крови. Но его государственная мудрость подсказала ему, что *„капиталъ побѣдной крови“ совсѣмъ не такъ великъ, какъ это свойственно думать военноначальникамъ съ ограниченнымъ міровозрѣніемъ.* Всякое крупное хозяйственное дѣло нуждается въ большихъ затратахъ, но вовсѣ не требуетъ расточительности, также точно и веденіе войны требуетъ вожденія въ бой, а не на убой.

Если такова основная задача тактики по отношенію къ своимъ войскамъ, то по отношенію къ непріятелю она преслѣдуетъ совершенно противоположную цѣль: въ кратчайшій срокъ должны быть нанесены наибольшія потери непріятелю съ тѣмъ, чтобы вызвать въ немъ моральный кризисъ.

Такова же была точка зрѣнія Суворова. Дабы убѣдиться въ этомъ, напомнимъ заключительныя слова „Науки побѣждать“:

„Послѣднюю кампанію непріятель потерялъ счетомъ семьдесятъ пять тысячъ, только что не сто, а мы и одной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, воинское обученіе. Господа офицеры, какой восторгъ!“.

Въ условіяхъ современнаго огневого боя этотъ капиталъ можетъ быть быстро растраченъ.

Сила современнаго огня стала настолько большой, что войсковая часть, попавшая подъ массовый огонь, можетъ понести въ кратчайшій срокъ потери бо́льшія, чѣмъ она можетъ „морально“ выдержать.

Отсюда, естественно, вытекаетъ выводъ: примѣненіемъ массоваго огня добиться моральнаго кризиса у непріятеля. Это, конечно, путь наиболѣе экономный для „крови“ нашихъ войскъ.

Огневая тактика и формулировка ея основныхъ мыслей.

Этотъ выводъ является основнымъ для такъ называемой „огневой тактики“ или, вѣрнѣе, огневой тактической доктрины. Опытъ большой войны заставилъ всѣхъ нашихъ бывшихъ союзниковъ и враговъ окончательно вступить на этотъ путь.

Въ концѣ декабря 1918 г., т. е. сейчасъ же вслѣдъ за заключеніемъ перемирія, штабъ французскаго главнокомандующаго маршала Петена приступилъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ опыта побѣдной войны къ работѣ подъ общимъ заглавіемъ: „*Устройство арміи во время войны*“ („L'organisation de l'armée sur le pied du Guerre“). Въ основу этого труда маршалъ Петенъ указалъ положить слѣдующія основанія *): „Оборона — это огонь, который останавливаетъ; атака — это огонь, который наступаетъ; маневръ — это огонь, который перемѣщается **)“.

Выпущенное французскимъ Генеральнымъ Штабомъ 6 октября 1921 года „*Временное наставленіе для боевыхъ дѣйствій высшихъ войсковыхъ соединеній*“ (Instruction provisoire sur l'emploi de Grandes Unités) всецѣло основано на предуказанныхъ маршаломъ Петеномъ заключеніяхъ. Отдѣлъ этого Наставленія подъ заглавіемъ „*Могущество огня*“ начинается слѣдующими словами: „Дѣйствительность огнестрѣльнаго оружія, правильно использованнаго, признана единогласно и должна служить основаніемъ правилъ употребленія войскъ. Могущество огня все возрастаетъ. Фронтъ, образованный авто-

*) Com. Laurd. Au 3-me Bureau du Troisieme G. Q. G. p.p. 239.

**) Начальникъ штаба Маршала Петена такъ пояснилъ эту мысль: „Оборона есть огонь останавливающій, атака-огонь наступающій (движущійся), маневръ-огонь перемѣщающійся. Такимъ образомъ маневръ является прежде всего средствомъ сосредоточенія огня къ данному раіону, въ данный моментъ и данной интенсивности. „Revue d'infanterie“ № 355 1 апрѣля 1922 г. статья полковника Dessolfy подъ заглавіемъ: „Quelques réflexions sur infanterie“.

матическимъ оружіемъ, хорошо расположеннымъ, и поддержанный артиллеріей, снабженной снарядами, можетъ быть прорванъ только войсками, обладающими, по крайней мѣрѣ, равнымъ вооруженіемъ. Обратно, сосредоточеніе на опредѣленномъ участкѣ огня всѣхъ родовъ приводитъ къ уничтоженію обороны и даже часто дѣлаетъ ее невозможной".

Не лишено интереса замѣтить здѣсь, что потребовался 4-хъ лѣтній опытъ минувшей войны для того, чтобы заставить французовъ окончательно и полно принять принципы огневой доктрины.

Опытъ войны 1870—71 гг., направившій нѣмцевъ на этотъ путь, заставилъ и французовъ временно вступить на этотъ путь. Французскій уставъ 1875 г. заключаетъ въ себѣ слѣдующее утвержденіе: „Огонь, какъ средство боя, имѣетъ главенствующее значеніе".

Но мало по малу подъ вліяніемъ маневровъ мирнаго времени это основное положеніе постепенно затушевывается. Во французскомъ полевомъ уставѣ изданія 2 декабря 1913 года можно встрѣтить въ параграфѣ III слѣдующее указаніе: „Атакующія войска должны всегда руководствоваться однимъ рѣшеніемъ: атаковать непріятеля холоднымъ оружіемъ". Объ огнѣ уже не упоминается ни однимъ словомъ. Это возвращеніе къ принципамъ устарѣлой ударной тактики; французская армія заплатила за это дорогой цѣной жестокихъ потерь въ своей пѣхотѣ и пораженій въ первомъ сраженіи съ нѣмцами въ пограничномъ сраженіи 1914 г. за то, что ея Генеральный Штабъ забылъ уроки войны 1870—71 года.

Германскій Генеральный Штабъ оказался болѣе устойчивымъ въ своихъ научныхъ работахъ. Изъ опыта своей войны съ Франціей въ 1870—71 гг., а также изъ опыта Русско-Турецкой войны 1877—78 гг., онъ вывелъ слѣдующее заключеніе: „Вести войну — это значитъ наступать; наступать — это значитъ переносить огонь впередъ" *).

Тождество второй части этого вывода съ заключеніемъ маршала Петена послѣ міровой войны поразительно.

Съ легкой руки фельдмаршала Мольтке германская военная доктрина упорно идетъ по пути огневой тактики. Опытъ Англо-Бурской войны учитывается германскимъ Генеральнымъ Штабомъ, какъ подтвержденіе избраннаго имъ пути. Но особенно яркое подтвержденіе даетъ война 1904—05 г. г., въ которой послушные ученики германскаго Генеральнаго Штаба японцы наносятъ постоянныя тактическія пораженія нашимъ войскамъ, воспитаннымъ на началахъ ударной тактики. Германскій уставъ 1912 года, въ противуположность русскому и французскому уставамъ того времени, рѣзко проводитъ идею господствующаго значенія огня. „Пока не достигнуто превосходство въ огнѣ", говоритъ нѣмецкій уставъ: „атака можетъ

*) „Krieg füren heisst angreifen: angreifen heisst vorwärtstragen des feuers. „Balk" Entwickelung der Taktik im Weltkriege s. 6.

быть исполнена только цѣною громадныхъ потерь. Нужно поэтому ждать для нанесенія заключительнаго удара, чтобы огонь произвелъ свое дѣйствіе"... „Заключительная атака (штурмъ) является скорѣе использованіемъ уже достигнутыхъ результатовъ, нежели ударъ живой силы".

Кампанія 1914 года показала, насколько правильнѣе понимали тактику нѣмцы, нежели ихъ враги.

Поправки, внесенныя опытомъ минувшей большой войны.

Но тотъ же опытъ минувшей Большой войны показалъ, что въ прежнее пониманіе „огневой тактики" нужно внести поправки. Побѣды, достигнутыя однимъ огнемъ, *рѣшительными не были.*

Объясненіе этому явленію можно найти при изученіи психологическаго строенія современнаго боя. Прежній бой холоднымъ оружіемъ представлялъ собой въ психологическомъ отношеніи простую структуру: Столкнувшіяся стороны массировали свои войска на ограниченныхъ по своимъ размѣрамъ пространствахъ. Каждое, даже армейское сраженіе представляло собой всего нѣсколько крупныхъ психологическихъ очаговъ боя, въ которыхъ законы психики толпы представлялись съ особенной силой. Вслѣдствіе этого всякій бой рѣзко дѣлился на два періода: подготовительный (до столкновенія холоднымъ оружіемъ) и рѣшительный (рукопашная схватка).

Развитіе огнестрѣльнаго оружія заставило сражающіяся войска разсредоточиться на полѣ сраженія. По мѣрѣ дальнѣйшаго усиленія огня увеличивается расползаніе войскъ по фронту и въ глубину. Слѣдствіемъ этого явилось то, что современный бой разбился на безчисленное множество очаговъ. Возможность же однимъ огнемъ надломить духъ войсковой части привела къ тому, что эти „психологическіе боевые очаги" образуются не только на самомъ фронтѣ столкновеній, но и въ глубинѣ боевого порядка. Вслѣдствіе этого рѣзкое дѣленіе боя на подготовительный и рѣшительный періодъ утрачивается.

Окончаніе современнаго боя отличается отъ начала его лишь тѣмъ, что „моральный кризисъ" въ различныхъ боевыхъ очагахъ начинаетъ становиться все чаще и чаще и самый конецъ боя является результатомъ не одного большого моральнаго кризиса, а суммы многочисленныхъ мелкихъ кризисовъ, сводящихся въ одно цѣлое въ представленія высшаго командованія. Слѣдствіемъ подобнаго положеніи вещей и является то, что число боевъ, проигранныхъ изъ за „отказа борьбы начальника" по сравненію съ прежними войнами все увеличивается.

Возможность моральнаго кризиса отъ дѣйствія одного только огня влечетъ за собой очень важное послѣдствіе: войска, пережившія этотъ критическій моментъ, могутъ оправиться и затѣмъ вновь участвовать въ борьбѣ. Въ прежнюю эпоху, когда моральный кризисъ могъ вызываться только

примѣненіемъ холоднаго оружія, это было чрезвычайно трудно, такъ какъ побѣдитель автоматически добивалъ въ рукопашной схваткѣ „морально надломленнаго противника“. Минувшая Большая война сразу же рѣзко проявила особенность современной войны въ видѣ „скораго оживанія“ частей, предполагавшихся другой стороной разбитыми (XVII германскій корпусъ послѣ сраженія у Гумбинена).

а) Необходимость для достиженія рѣшительной побѣды использованія результатовъ огня наступленіемъ пѣхоты и конницы.

Боевой опытъ очень скоро показалъ, что къ „огневымъ побѣдамъ“ въ особенности приложима пословица: „недорубленый лѣсъ выростаетъ“. Противникъ, даже сильно морально потрясенный огневой атакой, можетъ по истеченіи нѣкотораго промежутка времени оправиться и продолжать борьбу. Полная, уничтожающая побѣда была возможна только въ томъ случаѣ, когда вслѣдъ за атакующими „снарядами“ шли атакующіи „люди“ для того, чтобы забрать въ плѣнъ оглушеннаго и еще не пришедшаго въ себя отъ огневой атаки противника. Возросшее число плѣнныхъ въ современныхъ бояхъ вовсе не является показателемъ ухудшенія моральной силы современныхъ войскъ по сравненію съ прежними; это есть прежде всего слѣдствіе новыхъ психологическихъ условій боя.

Но мало еще этого. Опытъ минувшей войны показалъ что условія современнаго боя требуютъ *отъ атаки „людьми“ болѣе глубокаго проникновенія вглубь непріятеля, нежели это было раньше.* Теперь для атакующаго мало еще проникнуть въ расположеніе пѣхоты обороняющагося. До тѣхъ поръ, пока атакующій не захватитъ артиллеріи противника или, по крайней мѣрѣ, не заставитъ ее отодвинуться назадъ, захватъ непріятельской пѣхотной позиціи не только не принесетъ ему выгодъ, но, наоборотъ, можетъ поставить его въ критическое положеніе: артиллерія обороняющагося легко можетъ образовать для продвинувшихся впередъ частей пѣхоты атакующаго пушечный мѣшокъ; попавшаяся въ этотъ пушечный мѣшокъ пѣхота разстрѣливается массовымъ огнемъ и затѣмъ становится легкой добычей контръ-атаки пѣхоты обороняющагося.

Такимъ образомъ, опытъ большой войны и внесъ ту необходимую поправку, безъ которой огневая доктрина смущала многіе даже выдающіеся умы. Эта поправка можетъ быть формулирована такъ: *рѣшительная побѣда можетъ быть одержана въ современномъ бою только при сочетаніи огня и движенія впередъ.*

То упорство, съ которымъ до минувшей большой войны многіе изъ нашихъ военныхъ писателей держались за предразсудокъ, что будто-бы огневая тактика синонимъ предпочтенія обороны наступленію, имѣетъ своей первопричиной взглядъ Клаузевица; послѣдній утверждалъ, что огонь болѣе способствуетъ оборонѣ, нежели наступленію. Такой выводъ

подтверждался крайне возросшей оборонительной силой малыхъ воинскихъ единицъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже небольшая группа стрѣлковъ можетъ остановить значительно большее число противника, заставивъ его перейти отъ простого походнаго движенія къ наступленію разомкнутымъ строемъ съ примѣненіемъ къ мѣстности. Отсюда громадный выигрышъ времени для обороняющагося. Если же обороняющіяся группы, хотя бы разбросанныя на сотни саженъ, свяжутся своими огнями, то передъ наступающимъ окажется огневой фронтъ, который онъ простымъ продвиженіемъ впередъ прорвать не можетъ. Ему приходится вступать въ огневой бой, предоставляющій въ распоряженіе обороняющагося еще большій выигрышъ времени.

Эта возросшая сила задерживающей способности малыхъ частей несомнѣнно является однимъ изъ важныхъ слѣдствій возросшаго могущества огня; но однимъ этимъ вовсе не исчерпываются всѣ измѣненія, которыя внесены огнемъ въ тактику.

Въ своей книгѣ „Les principes de la Guerre“ профессоръ общей тактики французской Военной Школы подполковникъ Фошъ посмотрѣлъ нѣсколько глубже въ тактическое свойство огня. Онъ обратилъ вниманіе на то, что по мѣрѣ увеличенія дальности огня, послѣдній значительно болѣе усиливаетъ рѣшительныя дѣйствія атакующаго, нежели обороняющагося. Въ самомъ дѣлѣ: примемъ условно дѣйствительную дальность огня артиллеріи въ 5 верстъ. Предположимъ также, что атакующій избралъ для рѣшительной атаки участокъ непріятельскаго расположенія 5 верстъ по фронту. Онъ имѣетъ возможность сосредоточить противъ этого участка огонь гораздо большаго числа батарей (располагая ихъ въ нѣсколько рядовъ), нежели онъ могъ это сдѣлать при дальности огня въ нѣсколько сотъ шаговъ, какъ это было въ эпоху Клаузевица. Но мало этого: по мѣрѣ возрастанія дальнобойности атакующій можетъ привлекать для пораженія избраннаго имъ участка огонь сосѣдныхъ атакующему участку батарей. При условно принятой нами дальности въ 5 верстъ, привлеченные къ совмѣстной огневой работѣ сосѣдніе участки могутъ имѣть по фронту до 3-хъ верстъ каждый. Такимъ образомъ, полоса расположенія батарей атаки расширяется до 11 верстъ. Правда, и обороняющійся можетъ также производить подобное же сосредоточеніе огня. Но иниціатива выбора участка принадлежитъ атакующему, и потому даже самая вдумчивая оборона *никогда* не сможетъ использовать въ такой же мѣрѣ преимуществъ данныхъ усовершенствованій огнестрѣльнаго оружія, какъ это сможетъ сдѣлать атакующій.

Съ развитіемъ огнестрѣльнаго оружія особенно усиливается фланговая атака; въ этомъ случаѣ все большій и большій фронтъ атакующихъ можетъ принимать боевое участіе противъ охватываемаго крыла, прострѣливая все глубже и глубже флангъ и тылъ противника. Такимъ образомъ, развитіе огня усилило не только наступленіе, но и вообще маневръ.

б) Идея временнаго „обезвреженія“ (нейтрализаціи) огнемъ смѣняетъ во многихъ огневыхъ задачахъ идею „уничтоженія“.

Исторія минувшей Большой войны особенно интересна тѣмъ, что она вскрываетъ тотъ долгій путь, который нуженъ для всесторонняго усвоенія новой идеи.

Могущество современнаго артиллерійскаго огня, извѣстное въ мирное время только спеціалистамъ по полигоннымъ опытамъ, поразило войска. На французскомъ фронтѣ это проявилось съ большей силой, чѣмъ на русскомъ, отсталомъ въ техническомъ отношеніи фронтѣ. И вотъ въ 1915, 1916 и 1917 годахъ тактика французской артиллеріи строится исключительно на идеѣ разрушенія. Пушка, гаубица, мортира должны „уничтожить“ все на пути атаки пѣхоты; послѣдней остается лишь „занимать то, что завоевано артиллеріей“.

Механическое пониманіе войны выявляется въ этой мысли въ полной мѣрѣ.

Нужно согласиться, что огневая тактика представляетъ большой соблазнъ для подобнаго заблужденія. Нельзя ли даже увидѣть также въ этомъ и особенность нашей эпохи, въ которой быстрое совершенствованіе техники вызываетъ склонность людей къ матеріалистическому истолкованію міра. Наша соціальная болѣзнь, именуемая большевизмомъ, имѣетъ въ своей глубинѣ этотъ же первоисточникъ.

Потребовалось пролить рѣки крови и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать новыя открытія науки, прежде чѣмъ отслоить этотъ матеріалистическій налетъ съ „огневой тактики“; начиная съ 1918 года, съ легкой руки нѣмцевъ въ тактикѣ артиллеріи проводится новая идея: идея „нейтрализаціи“ или, переведя на русскій языкъ, „обезвреженія“. Согласно этой идеѣ „разрушеніе“ артиллерійскимъ огнемъ ограничивается только прокладываніемъ проходовъ для пѣхоты черезъ мертвыя препятствія; главной же цѣлью артиллеріи является обезвреженіе на періодъ атаки непріятельскихъ орудій, пулеметовъ, ружей. Это обезвреженіе достигается интенсивнымъ массовымъ огнемъ, вызывающимъ моральный надломъ въ группахъ непріятельскихъ бойцовъ. Химія принесла для этого цѣнный подарокъ. Покрывая облакомъ разорвавшихся снарядовъ часть площади „безъ перерыва“, она значительно облегчила стрѣльбу по площадямъ. *Но подобное сокращенное требованіе отъ артиллеріи было возможно только тогда, когда вполнѣ осознана первая вышеупомянутая поправка: атака ведется снарядами и слѣдующими за ними людьми, потому что достигнутое временное обезвреженіе можетъ быть использовано только атакующей пѣхотой или кавалеріей.*

Такимъ образомъ, современная огневая доктрина стала столь же „психологической“, какъ и прежняя ударная. Она также базируется на признаніи главенствующаго значенія духовнаго элемента въ явленіяхъ боя. Она также считаетъ, *что главнымъ орудіемъ борьбы остался человѣкъ*. Въ этомъ отно-

шеніи она отличается отъ прежней ударной доктрины только тѣмъ, что она раздвигаетъ рамки рѣшительнаго періода боя до границъ дѣйствительнаго артиллерійскаго огня. Начиная съ этой границы, она уже стремится огнемъ довести непріятеля до моральнаго кризиса. Чѣмъ скорѣе и полнѣе она этого достигнетъ, тѣмъ меньше кроваваго напряженія потребуется отъ пѣхоты, тѣмъ больше останется „капитала побѣдной крови“ и тѣмъ больше возможностей ей представится приблизить достигнутые огнемъ результаты до идеала всякаго боя — уничтоженія врага (плѣненія его). *Но вмѣстѣ съ тѣмъ, современная огневая тактика признаетъ, что это достиженіе возможно только при сближеніи бойцовъ до рукопашной схватки.* Въ этомъ отношеніи формулировка, принятая японскимъ уставомъ, что „штыкъ добиваетъ непріятеля“, вполнѣ отвѣчаетъ идеямъ огневой тактики.

Такимъ образомъ, всѣ наши страхи, что широкое развитіе техники губительно отражается на „духѣ войскъ“, нужно оставить. Это предразсудокъ, связанный съ нашей общей культурной отсталостью.

Будущая доктрина русской арміи должна полностью вступить на путь огневой тактики.

Будущая доктрина русской арміи должна смѣло вступить на огневой путь, порвавъ навсегда съ началами ударной тактики. Основнымъ положеніемъ новой доктрины должно быть признано то, что *современная тактика стала огневой*, принимая это положеніе съ тѣми поправками, которыя внесла минувшая война и о которыхъ мы только что упоминали выше.

Новыя изобрѣтенія техники не измѣняютъ еще этого положенія. Широкое развитіе авіаціи только удлинило раіонъ, угрожаемый бомбой. Но бомбоносный самолетъ не сможетъ замѣнить пушки. Для того, чтобы сбросить свои бомбы, бомбоносный самолетъ долженъ оказаться надъ избранной имъ для пораженія цѣлью. Это требуетъ полнаго господства въ воздухѣ. Пушка же исполняетъ свое дѣло, оставаясь внутри своихъ позицій. Снабженіе огнестрѣльными припасами—этотъ основной вопросъ для веденія массоваго огня, разрѣшается для пушки неизмѣримо проще*). Химія, пытавшаяся вначалѣ выступить на полѣ сраженія самостоятельно въ видѣ газовой волны, выпускаемой изъ резервуаровъ, оказалась не въ состояніи противостоять непріятельской артиллеріи: ей пришлось избрать другой путь, а именно, начинять артиллерійскіе снаряды своими газами и кислотами. На этомъ пути мощность

*) Простой арифметическій подсчетъ показываетъ насколько велики въ этомъ отношеніи преимущества артиллеріи надъ авіаціей. Напримѣръ 6″ гаубица можетъ выпустить въ день 400 снарядовъ. Такимъ образомъ, одна батарея 6″ гаубицъ можетъ обрушить на противника около 70 тоннъ снарядовъ. Наиболѣе мощный бомбардировочный аэропланъ можетъ поднять только 2—3 тонны бомбъ.

ея воздѣйствія чрезвычайно увеличилась, а въ будущей войнѣ еще болѣе расширится. Лучи дьявола, о которыхъ такъ много говорила пресса, еще очень далекй отъ осуществленія. Но даже если это и будетъ имѣть мѣсто, то къ орудіямъ, поражающія снарядами, прибавятся орудія, поражающія лучами. Измѣненіе „огневого характера“ тактики предвидѣть очень трудно.

Очеркъ 5-й.

„Количество“ войскъ.

„Шапками закидаемъ“?

Упорство, съ которымъ мы оставались въ циклѣ идей ударной тактики, имѣло также причину особаго рода. Россія всегда была страной технически отсталой по сравненію со своими западными сосѣдями. Учитывая это, мы надѣялись количествомъ своего людского матеріала возмѣстить свою техническую отсталость. 170 милліоновъ населенія своей громадной цифрой импонировали воображенію — и не только нашему, но и нашихъ союзниковъ и нашихъ противниковъ. Подобная мысль еще и теперь имѣетъ широкое распространеніе въ нашей военной средѣ, въ чемъ намъ приходится убѣдиться изъ упомянутыхъ нами отвѣтовъ участниковъ кружковъ Высшаго Военнаго самообразованія. Изученіе красной военной литературы показываетъ на существованіе такого же убѣжденія и въ рядахъ краснаго командnаго состава.

Между тѣмъ, только что минувшая война принесла глубокое разочарованіе въ этомъ отношеніи.

Къ концу кампаніи 1916 года въ Россіи не хватало людского матеріала.

Къ концу третьяго года войны Россія стояла передъ острымъ недостаткомъ въ людскомъ матеріалѣ. Этотъ фактъ настолько противорѣчитъ обычно распространеннымъ мнѣніямъ, что я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе на этомъ остановиться.

Особое Совѣщаніе по обсужденію мѣропріятій по оборонѣ государства, учрежденное Государемъ изъ избранныхъ членовъ Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и заинтересованныхъ въ защитѣ страны министровъ, сочло своимъ долгомъ въ концѣ 1916 г. обратиться черезъ своего предсѣдателя съ непосредственнымъ докладомъ къ Верховной Власти. „Въ настоящее время“, говорится въ началѣ этого доклада, „передъ нами предсталъ вопросъ, по нашему пониманію настолько важный для судебъ нашего отечества, и притомъ настолько тревожный и даже грозный, что мы, не имѣя полномочій поднять вопросъ этотъ въ Особомъ Совѣщаніи, почли своимъ долгомъ въ качествѣ вѣрноподанныхъ обратиться по

этому поводу непосредственно къ Вамъ, Государь, — и это тѣмъ болѣе, что угрожающая нашему Отечеству опасность можетъ быть устранена только мѣропріятіями, исходящими отъ Верховной Власти. Вопросъ этотъ касается дальнѣйшаго комплектованія нашей арміи"... Послѣднее рисуется этимъ докладомъ въ слѣдующемъ видѣ: хотя изъ всего населенія Россіи призвано только $14^1/_2$ милліоновъ людей, тѣмъ не менѣе считается возможнымъ призвать еще только $1^1/_2$ милліона, изъ которыхъ половина представляетъ собою молодыхъ людей призыва 1919 года.

„Все болѣе остро ощущается недостатокъ въ странѣ рабочихъ рукъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго труда и — въ томъ числѣ, въ производствахъ, работающихъ на оборону, на удовлетвореніе всѣхъ многочисленныхъ и обширнѣйшихъ потребностей арміи. За послѣднее время какое бы мѣропріятіе, направленное къ расширенію той или иной отрасли нашей промышленности, работающей на армію, ни обсуждало Особое Совѣщаніе, оно непремѣнно встрѣчалось съ однимъ и тѣмъ же препятствіемъ — людей нѣтъ. Даже производство столь необходимыхъ для насъ тяжелыхъ снарядовъ, за которое энергично взялось артиллерійское вѣдомство, встрѣчаетъ то же затрудненіе"...

„То же явленіе и въ частной промышленности, на которую опирается военная. Въ шахтахъ не хватаетъ людей для добычи угля, у доменныхъ печей — для выплавки металла соотвѣтственно повышенной потребности въ нихъ. Заводы занимаются систематическимъ переманиваніемъ рабочихъ другъ отъ друга, что породило даже мысль объ изданіи особаго для борьбы съ этимъ зломъ закона".

„Малолюдіе отражается въ равной степени и на всей сельской жизни, величайшее затрудненіе въ продовольственномъ дѣлѣ испытывается отчасти изъ за того, что ослабъ гужевой промыселъ — некому возить хлѣбъ на станціи. Свекло-сахарные заводы, за недостаткомъ людей, не были въ состояніи выкопать и свезти весь урожай свеклы. Сельско-хозяйственныя работы — молотьба и осенняя вспашка — прошли съ запозданіемъ, и притомъ, при крайнемъ напряженіи всего сельскаго населенія".

„Словомъ, весь государственный механизмъ и все народное хозяйство испытываютъ *совершенно явный недостатокъ въ людяхъ*".

„На это возможно, казалось бы, возразить, что количество населенія, призваннаго въ войска, въ $^0/_0{}^0/_0$ отношеніи къ общему количеству у насъ значительно менѣе, чѣмъ у нашихъ враговъ и, особенно, у нашей союзницы — Франціи: у насъ оно составляетъ около $10^0/_0$, а во Франціи достигло 16".

„Но положеніе народнаго хозяйства у насъ и въ Западной Европѣ не можетъ быть сравнимо; наши огромныя пространства съ разбросаннымъ рѣдкимъ населеніемъ и слабо развитыми городскими центрами, недостаточной сѣтью жел.

дорогъ, при непроходимости въ теченіе нѣкоторой части года большинства грунтовыхъ дорогъ, наряду съ расположеніемъ мѣсторожденія металловъ и горючаго, столь необходимаго для изготовленія боевыхъ припасовъ, въ отдаленныхъ отъ многихъ металлургическихъ заводовъ мѣстностяхъ Имперіи, наконецъ, климатическія условія, требующія много труда по охраненію отъ зимней стужи, а также по борьбѣ со снѣжными заносами, — все это вызываетъ *необходимость у насъ такой добавочной работы, а, слѣдовательно, и лишнихъ рабочихъ рукъ, которую не знаетъ Зап. Европа. Наконецъ, сравнительная ничтожность у насъ по сравненію, напримѣръ, съ Франціей, механическихъ двигателей* (въ 1906 году число лошадинныхъ силъ во Франціи было въ 15 разъ болѣе, чѣмъ у насъ) и *меньшая, обусловленная многими причинами, производительность русскаго рабочаго по сравненію съ зап. европейскимъ, приводятъ къ тому, что отвлеченіе у насъ отъ производительной работы 10% населенія едва-ли не тяжелѣе отзывается на общемъ ходѣ народнаго хозяйства, нежели во Франціи 16%*“.

Въ дальнѣйшемъ докладъ еще разъ подчеркиваетъ мысль, что вопросъ идетъ не только о квалифицированныхъ рабочихъ, но и вообще о *рабочихъ рукахъ*.

„Недостатокъ не только механиковъ, но даже простыхъ слесарей и кузнецовъ достигаетъ такихъ предѣловъ, что отражается даже на сельскихъ работахъ, вслѣдствіе невозможности произвести ремонтъ с.-х. орудій. Между тѣмъ, пространство нашей посѣвной площади въ одной Европейской Россіи, исключивъ область, занятую врагомъ, превышаетъ 72 милліона десятинъ, а сѣнокосъ 20 милліоновъ десятинъ, что почти достигаетъ пространства всей территоріи Франціи и Германіи, взятыхъ въ совокупности. *Обработать и убрать эту исполинскую земельную площадь одной лишь мускульной силой, безъ содѣйствія спеціальныхъ орудій, оставшееся на мѣстахъ населеніе не въ состояніи*“.

Не лишено интереса, что въ заключительной части доклада Государю члены Особаго Совѣщанія упоминаютъ о томъ, что въ „арміи прочно привился взглядъ, что при слабости нашихъ техническихъ силъ мы должны пробивать себѣ путь къ побѣдѣ преимущественно цѣной человѣческой крови. Настоятельно необходимо внушить всѣмъ начальствующимъ лицамъ, что легкое расходованіе людской жизни, независимо отъ чисто-гуманитарныхъ соображеній, недопустимо потому, что *человѣческій запасъ у насъ далеко не неистощимъ*“ ...

„Широкое развитіе и примѣненіе различныхъ предохранительныхъ мѣръ, какъ то: касокъ, наплечниковъ, болѣе усовершенствованныхъ укрытій и окоповъ — вотъ, къ чему мы должны нынѣ прибѣгнуть, а главное — въ *основу всѣхъ тактическихъ мѣропріятій должно быть положено стремленіе замѣнить энергію, заключающуюся въ человѣческой крови, силой свинца, стали и взрывчатыхъ веществъ*“.

Приведенный документъ представляетъ собой значительную цѣнность потому, что онъ былъ составленъ людьми, имѣющими полную возможность непосредственно оцѣнивать напряженіе, которое потребовалось во время войны отъ Россіи въ его общемъ объемѣ и въ его реальномъ значеніи. На тяжеломъ опытѣ 3 лѣтней войны приходилось убѣждаться, что техническая отсталость Россіи, которую въ военной средѣ русской и союзнической думали возмѣстить количествомъ людскаго матеріала, сама являлась причиной тому, что Россія не могла дать такого же напряженія людьми, какое могли дать страны съ развитой техникой. Вѣра въ спасительность числа призванныхъ людей явилась обманчивымъ миражемъ. Будущая Россія, разоренная большевицкимъ владычествомъ, окажется долгое время еще менѣе состоятельной въ комплектованіи своей вооруженной силы, чѣмъ Россія 1914—16 г.г.

Реальное значеніе „количества“ войскъ и методы его оцѣнки въ современную эпоху.

Если подойти къ разсмотрѣнію вопроса о возможности замѣны недостатка въ техникѣ — количествомъ людей съ болѣе узкой, чисто тактической точки зрѣнія, то необходимо констатировать, что и въ этомъ отношеніи опытъ большой войны даетъ совершенно опредѣленный отвѣтъ. При современной матеріальной части эта возможность въ сравненіи съ возможностями въ эпоху Суворова и Наполеона чрезвычайно уменьшилась.

Современный огонь обладаетъ, при массовомъ его примѣненіи, такимъ могуществомъ, что никакія рѣки крови сами по себѣ не могутъ его погасить. Путь бойцу черезъ рѣку массоваго огня могутъ проложить только огневыя же машины.

Опытъ нашей гражданской войны даетъ какъ бы нѣкоторое противопоказаніе. Въ бояхъ этой войны мы можемъ увидѣть возрожденіе ударной тактики, и притомъ въ формахъ, напоминающихъ конецъ 18 столѣтія. Причиной этого явилось прежде всего то, что обѣ стороны были очень бѣдно оборудованы въ техническомъ отношеніи. Война велась въ полномъ смыслѣ слова на остатки отъ прежней арміи, и эти остатки матеріальной части находились въ большинствѣ случаевъ въ неудовлетворительномъ состояніи. Современный же огонь проявляетъ свою силу только въ томъ случаѣ, если онъ „массовый“ и правильно „организованъ“. Пушки, считающіяся единицами, хотя бы и новаго образца, не могутъ придать тактикѣ того огневого характера, который ей присущъ на поляхъ сраженія современной большой войны. Кромѣ этого, требуется обильное снабженіе огнестрѣльными припасами, что не имѣло мѣста въ гражданской войнѣ. Наряду съ нищетой въ матеріальной части на обѣихъ сторонахъ имѣлись и другія причины. Среди нихъ нужно указать, что скороспѣшность формированія большинства частей, вызываемая условіями политической обста-

новки, въ связи съ нежеланіемъ драться въ массѣ населенія дѣлала фронты весьма неустойчивыми, — поэтому организація огневыхъ фронтовъ являлась невыполнимой не только при наступленіи, но и при оборонѣ.

Полное разъясненіе затронутаго здѣсь вопроса заставитъ, насъ раздвинуть его рамки и разсмотрѣть болѣе общій вопросъ — о значеніи количественной силы арміи.

То, что количественная сила имѣетъ значеніе для одержанія побѣды, свидѣтельствуютъ настойчивыя заботы всѣхъ великихъ полководцевъ осуществить въ рѣшающемъ мѣстѣ и количественный перевѣсъ своихъ силъ надъ силами противника. Суворовъ формулировалъ это въ словахъ: „идешь въ бой — умножай войска, снимай посты, снимай коммуникацію“, а Наполеонъ въ словахъ: „Les gros batallions ont toujours raison“.

Говорить о количественномъ перевѣсѣ силъ вовсе не значитъ умалять качества этихъ войскъ. Мы хорошо знаемъ, какое громадное значеніе придавали всѣ великіе полководцы, а въ частности Суворовъ и Наполеонъ, качеству войскъ, т. е. духу войскъ и ихъ обученію. Поэтому, затрагивая вопросъ о количественномъ перевѣсѣ силъ, мы говоримъ о перевѣсѣ въ числѣ вполнѣ боеспособныхъ войскъ. Только въ подобныхъ условіяхъ можетъ выявляться „механическій“ элементъ войны.

Въ эпоху господства холоднаго оружія оцѣнка „механической“ силы сторонъ производилась просто числомъ баталіоновъ и эскадроновъ.

Такой методъ оцѣнки сохранилъ за собою основаніе и въ начальную эпоху огневой тактики, когда главнѣйшее значеніе принадлежало ружейному огню (80% потерь). Но съ переходомъ главенствующей роли въ современномъ огневомъ бою къ артиллеріи (75%), подобная оцѣнка стала ошибочной. Современнаго стратега, придерживающагося этого устарѣлаго метода, можно уподобить экономисту, который, желая сравнить производственную силу фабричнаго и кустарнаго производства, вздумалъ бы основывать свои заключенія на сравненіи потребнаго числа рабочихъ. Несомнѣнно, что такой экономистъ можетъ притти къ ложному выводу, а именно, что кустарное производство болѣе могущественно, чѣмъ фабричное. Ошибка подобнаго рода была свойственна нашимъ высшимъ штабамъ. Яркимъ примѣромъ можетъ служить телеграмма генерала Янушкевича № 345, отъ 28 іюля (10 августа 1914 г. *), являющаяся основной директивой для нашихъ первыхъ операцій въ Восточной Пруссіи. Въ этой телеграммѣ, на основаніи сравненія числа баталіоновъ и эскадроновъ въ нашихъ 1 и 2 арміяхъ и числа баталіоновъ въ 8 германской арміи, генералъ-квартирмейстерскій отдѣлъ Ставки заключаетъ

*) Эта телеграмма полностью приведена въ нашей книгѣ „Изъ исторіи кампаніи 1914 г. на русскомъ фронтѣ; начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи“, изд. „Пламя“, Прага.

о нашемъ двойномъ превосходствѣ въ силахъ. Результаты подобной стратегической ошибки хорошо всѣмъ извѣстны.

Опредѣленіе количественной (механической) силы современной артиллеріи требуетъ не только сопоставленія числа ручного огнестрѣльнаго инструмента, но и числа огневыхъ машинъ, т. е. артиллерійскихъ орудій.

Единицей для сравненія количественной силы армій можетъ считаться въ современную эпоху только пѣхотная дивизія, т. е. войсковое соединеніе, въ которомъ осуществляется, согласно боевому расписанію всѣхъ армій, первое полное органическое сочетаніе ружейнаго, пулеметнаго и артиллерійскаго огня. Несомнѣнно, что сама сила дивизіи можетъ быть различна, въ зависимости отъ принятой организаціи (количества разныхъ огневыхъ машинъ и бойцовъ). Было бы также ошибочно считать за правило, что матеріальная сила дивизіи измѣряется исключительно числомъ ея пушекъ. Какъ мы уже указывали выше, опытъ войны показалъ, что, хотя роль пѣхоты измѣнилась, но она не уменьшилась. Безъ движенія пѣхоты впередъ не можетъ быть рѣшительныхъ побѣдъ. Осуществить это пѣхота можетъ только обладая извѣстной численностью, иначе она превращается въ прикрытіе дивизіонной артиллеріи. Съ другой стороны, набиваніе дивизіи людьми сверхъ извѣстнаго предѣла приводитъ только къ лишнимъ потерямъ. Огонь современной боевой машины можетъ быть парализованъ только огнемъ соотвѣтствующей ей машины, но не можетъ быть залитъ кровью. Излишкомъ людей, какъ подтвердилъ опытъ минувшей войны, страдали наши пѣхотныя дивизіи начала войны, при ихъ 16-ти батальонномъ составѣ *). Французы и нѣмцы намѣтили передъ войной 1914 года предѣлъ полезной численности пѣхоты въ дивизіи, имѣя ихъ 12-ти батальоннаго состава. Къ концу войны французскія и германскія дивизіи были уменьшены до 9-ти батальоннаго состава.

Такимъ образомъ, количественная сила арміи измѣряется не общей численностью людей, не числомъ батальоновъ и эскадроновъ, а числомъ соотвѣтственно организованныхъ дивизій. Это опять приводитъ насъ къ заключенію о необходимости снабженія арміи надлежащимъ количествомъ машинъ. Безъ этого наше многолюдіе не будетъ использовано, а будетъ только соблазнять насъ миражемъ *численной* силы, въ дѣйствительности не имѣющейся на лицо.

Наше „многолюдіе“ даетъ возможность повысить „качество“ нашихъ войскъ.

Но если наше *многолюдіе* безъ соотвѣтствующаго количества машинъ не обуславливаетъ еще матеріальной силы нашей арміи, то, съ другой стороны, оно можетъ очень благопріятно отразиться на качествѣ арміи. И какъ разъ на эту сто-

*) Конечно, вопросъ идетъ объ укомплектованныхъ дивизіяхъ. Драться же неукомплектованными,— это непростительная растрата кадроваго состава

рону дѣла, несмотря на то, что мы очень любили до войны повторять высокія слова о „главенствѣ духа“, не было обращено должнаго вниманія.

Вопросъ, который мы подымаемъ здѣсь — это оздоровленіе и омоложеніе состава дѣйствующей арміи. Казалось бы, что, имѣя въ своемъ распоряженіи 170 милліоновъ населенія, а съ другой — ограниченную возможность формировать пропорціонально такое же число дивизій, какъ у нашего врага, мы могли произвести отборъ болѣе здороваго и молодого контингента *).

Опытъ минувшей войны очень ярко подчеркнулъ качественное превосходство частей войскъ съ молодымъ солдатскимъ составомъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ болѣе энергичныхъ и выносливыхъ бойцовъ. Если же говорить о храбрости въ массахъ людей, то нельзя не констатировать того, что храбрость присуща въ большей степени молодымъ, а не пожилымъ. Гражданская война также подтвердила этотъ выводъ на примѣрѣ юнкеровъ, кадетъ и гимназистовъ, которыхъ въ бою надо было постоянно удерживать. Въ болѣе молодомъ составѣ арміи менѣе женатыхъ и многосемейныхъ, это тоже одинъ изъ существенныхъ факторовъ, вліяющихъ въ массѣ случаевъ на храбрость рядового бойца. Въ этомъ отношеніи многосемейные являются наиболѣе труднымъ матеріаломъ. Проявленіе съ ихъ стороны самоотверженія требуетъ гораздо большаго идейнаго служенія родинѣ.

На омоложеніе солдатскаго состава людей своей дѣйствующей арміи особое вниманіе обращала Германія. Въ 1914 г. ея полевыя и резервныя части заключали въ себѣ солдатскій составъ моложе 29 лѣтъ, въ то время, какъ у насъ этотъ возрастъ доходилъ до 39 лѣтъ. Столь же большое вниманіе обращала Германія на отборъ въ армію физически болѣе здоровыхъ элементовъ. Въ то время, какъ у насъ по негодности къ службѣ браковалось всего 17% ежегоднаго призыва, въ Германіи браковалось 37%. Эта громадная разница происходила вовсе не потому, что наше населеніе здоровѣе, а вслѣдствіе значительно болѣе повышенныхъ требованій Германіи къ физической годности солдата. Въ здоровомъ тѣлѣ — здоровая душа. Если же прибавить къ этому, что въ 1914 году германская армія оказалась и самой молодой, то становится понятнымъ, почему въ кампанію этого года, въ отношеніи проявляемой нѣмецкими войсками энергіи дѣйствій, имъ безспорно принадлежитъ почетное мѣсто среди всѣхъ воевавшихъ народовъ. Готовясь выиграть войну быстро развивающимися нападеніями на своихъ сосѣдей, германскій Генеральный Штабъ художественно цѣльно проводилъ свою нападательную доктрину во всѣхъ вопросахъ устройства германской вооруженной силы.

---

*) Германія выставила въ 1914 году 1 дивизію на 500.000 своего населенія, а мы на 1.500.000.

Нашъ законъ о воинской повинности освобождалъ по семейному положенію 48% призывныхъ, въ Германіи же всего 2%. Широкое развитіе у насъ льготъ по семейному положенію объяснялось крестьянскимъ хозяйственнымъ строемъ нашей страны. Противъ этого въ принципѣ не приходится возражать, и потому наша льгота 1 разряда (т.-е. сохраненіе въ хозяйствахъ дѣйствительно единственнаго работника), конечно, имѣла смыслъ, но по этой льготѣ освобождалось только 24%, остальные же 24% заключались въ льготахъ 2 и 3 разряда, т.-е. вторыхъ работниковъ въ семьѣ. Подобная постановка вопроса показала, что нашъ законъ о воинской повинности былъ построенъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія чѣмъ германскій. Качеству обучаемаго въ войскахъ контингента не придавали никакого значенія, а учитывалась лишь его численность.

Устройство будущей Россійской вооруженной силы не должно опять базироваться на подобномъ ложномъ „матеріалистическомъ“ основаніи. Россія можетъ имѣть самую молодую и здоровую армію. Использованіе подобной возможности особенно важно для Россіи. Выше мы упоминали, что нашимъ массамъ свойственна нѣкоторая пассивность характера; *вливъ въ ряды войскъ молодость и здоровье, мы значительно повысимъ активный импульсъ нашей арміи.*

Методы исчисленія „количественной“ силы будущей русской арміи.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о количественной силѣ будущей Россійской арміи.

Попробуемъ опредѣлить, какое число пѣхотныхъ дивизій — этихъ основныхъ единицъ для исчисленія современныхъ армій — должна быть готова выставить Россія къ началу будущей войны.

Даже при прежнемъ состояніи Россіи было совершенно естественно возраженіе министровъ финансовъ, настаивавшихъ при обсужденіи военныхъ бюжетовъ на сокращеніи расходовъ на армію во имя ассигнованія большихъ суммъ на производительные расходы; съ другой стороны—столь же естественны были возраженія военныхъ министровъ, указывавшихъ, что расходы на армію есть страховая премія, которая уплачивается страной, дабы избѣжать, въ случаѣ проигрыша ближайшей войны, платы, въ качествѣ побѣжденнаго, сторицей.

Разореніе Россіи большевиками само по себѣ долго будетъ вліять на то, что это необходимое напряженіе было бы опредѣлено „безъ запроса“.

Правильное разрѣшеніе вопроса возможно только въ общегосударственной плоскости. Здѣсь не можетъ быть мѣста исключительно экономической точкѣ зрѣнія. Въ основу разрѣшенія этого вопроса должны быть прежде всего положены тѣ государственныя задачи, которыя политика будущей Рос-

сіи предъявитъ своей вооруженной силѣ въ случаѣ возникновенія войны.

Важнѣйшимъ фронтомъ *) борьбы Россіи является ея западный фронтъ. Здѣсь угроза Россіи можетъ быть осуществлена Финляндіей, Эстоніей, Латвіей, Польшей и Румыніей. Современныя войны въ Европѣ не могутъ оставаться локализированными, онѣ неминуемо втягиваютъ въ свой водоворотъ все новыя и новыя государства. Вспомнимъ только что минувшую войну, начатую Австро-Венгріей и Германіей — противъ Сербіи, Россіи и Франціи, когда сразу же были втянуты Бельгія и Великобританія, а затѣмъ еще 16 государствъ.

Россія должна исходить изъ худшаго для себя случая, а именно — военнаго союза перечисленныхъ выше государствъ. Даже въ томъ случаѣ, если въ началѣ войны на нашемъ западномъ фронтѣ одно или нѣсколько государствъ заявитъ о своемъ нейтралитетѣ, стратегія не имѣетъ права игнорировать его вооруженную силу. Автоматически каждое изъ нихъ съ началомъ нашей войны мобилизуетъ свою армію. Малѣйшія наши затрудненія на театрѣ военныхъ дѣйствій представятъ для нихъ великій соблазнъ, если и не вмѣшаться, то путемъ дипломатическихъ требованій осложнить наши дальнѣйшія военныя дѣйствія. Такой же соблазнъ представится имъ въ концѣ даже побѣдоносной для насъ войны, если противъ нихъ не будетъ сохранено достаточно русскихъ силъ. Примѣры подобныхъ выступленій въ минувшую войну были многочисленны: Италія, Румынія, Болгарія сознательно выжидали неудачъ своихъ сосѣдей, чтобы затѣмъ использовать обстановку. Вслѣдствіе этого стратегическій разсчетъ необходимой Россіи вооруженной силы въ случаѣ войны на ея западномъ фронтѣ долженъ исходить изъ условій борьбы противъ коалиціи Румыніи, Польши, Эстоніи, Латвіи и Финляндіи. Литва можетъ быть исключена изъ этого перечня, ибо, не замирившись еще до сихъ поръ изъ за Виленскаго вопроса, она никогда не проститъ этого захвата Польшѣ. Послѣдняя же, при ея агрессивной политикѣ, никогда не уступитъ. Слѣдовательно, въ худшемъ для насъ случаѣ, Литва, при нашей войнѣ съ Польшей, останется нейтральной.

Изъ нашихъ бывшихъ враговъ Германія не окажется въ рядахъ нашихъ противниковъ — у ея слишкомъ много счетовъ съ Польшей. Изъ образовавшихся на развалинахъ Австро-Венгріи государствъ также ни одно не будетъ заинтересовано итти противъ насъ. Напротивъ того, въ Венгріи имѣется слишкомъ много претензій къ „великой“ Румыніи; „Румынизація“ Трансильваніи проводится съ еще большимъ нажимомъ, нежели въ свое время происходило ея „овенгериваніе“. Югославія тоже не окажется на сторонѣ Румыніи, а Болгарія, которая не проститъ захвата Румыніей Добруджи, сдѣлаетъ все

*) Слово „фронтъ“ мы употребляемъ здѣсь, также какъ и на протяженіи всего труда, не въ смыслѣ „группы армій“, а въ смыслѣ „фронта борбы“.

возможное, чтобы при первомъ же удобномъ случаѣ вернуть себѣ отнятое. Изъ нашихъ прежнихъ союзниковъ въ трудномъ положеніи окажется Франція — покровительница Польши. Но висящая надъ ней на Рейнѣ угроза въ видѣ Германіи наврядъ ли позволитъ ей выступить противъ Россіи. Если бы даже руссофобскіе круги Франціи одержали верхъ надъ симпатизирующими намъ, то и въ этомъ случаѣ помощь Польшѣ была бы главнымъ образомъ техническаго и экономическаго характера, а также въ видѣ участія въ рядахъ польской арміи французскихъ инструкторовъ. Относительно Великобританіи можно сказать, что она можетъ оказаться въ числѣ нашихъ противниковъ. Но ея участіе выразится опять таки въ технической и экономической помощи и въ присылкѣ частей ея флота въ Балтійское и Черное моря.

Угроза на южномъ фронтѣ (Кавказскомъ и Туркестанскомъ) имѣетъ сравнительно „ограниченное“ значеніе. Кромѣ того, политическая связь дѣйствій на этомъ фронтѣ съ дѣйствіями на западномъ фронтѣ настолько условна, что русской дипломатіи вполнѣ возможно локализировать нашу борьбу на западномъ фронтѣ. Дѣло въ томъ, что враждебныя дѣйствія могли бы здѣсь возникнуть со стороны Турціи. Но въ настоящее время, послѣ примѣра измѣны въ 1915 году намъ Болгаръ, будемъ надѣятся, что наша дипломатія не повторитъ ошибки и останется въ союзѣ съ Турціей. Вопросъ о проливахъ можетъ быть рѣшенъ двумя способами: или владѣніе ими нами самими, или предоставленіе владѣнія слабой и въ то же время дружественной намъ Турціи. Первое рѣшеніе намъ совершенно не по силамъ еще на долгое время, и потому исключается. Вопросъ же о международномъ контролѣ въ проливахъ намъ опредѣленно невыгоденъ, т. к. можетъ привести насъ къ столкновенію съ сильными европейскими державами. Враждебныя дѣйствія на Кавказѣ могутъ возникнуть со стороны мѣстныхъ народностей въ случаѣ, если наша послѣбольшевитская политика возбудитъ въ нихъ вражду. Великобританія можетъ воспользоваться этимъ для захвата въ свои руки Бакинской нефти. Но даже и въ этомъ случаѣ угроза намъ съ юга несравненно политически и стратегически менѣе опасна, нежели угроза, висящая надъ нашимъ Западнымъ фронтомъ.

Угроза на Дальнемъ Востокѣ можетъ исходить лишь отъ Японіи. Послѣдняя имѣетъ столь обособленныя отъ европейскихъ проблемъ задачи*), что будущее Россійское Правительство будетъ имѣть возможность своей внѣшней политикой расчленить во времени угрозу одновременной войны на Западномъ и Восточномъ фронтахъ.

Вышеприведенная оцѣнка политической обстановки позволяетъ намъ притти къ слѣдующему основному выводу: стратегическій расчетъ вооруженной силы Россіи можетъ исходить изъ возможности наибольшаго сосредоточенія силъ про-

*) См. нашу работу „Тихоокеанская проблемма въ XX столѣтіи“.

тивъ наиболѣе опаснаго врага, а именно противъ коалиціи Польши, Румыніи, Латвіи, Эстоніи и Финляндіи, осуществляя строжайшую экономію силъ на другихъ фронтахъ. При войнѣ на западномъ фронтѣ, съ цѣлью экономіи силъ на Восточномъ и Южномъ фронтахъ, Россія должна быть готова итти даже на потери территорій съ тѣмъ, что обратное возвращеніе этихъ пространствъ будетъ произведено послѣ окончательной побѣды на Западномъ фронтѣ.

Количество пѣхотныхъ дивизій, выставляемыхъ Румыніей, Польшей, Латвіей, Эстоніей и Финляндіей, по имѣющимся въ военной литературѣ даннымъ, слѣдующее*):

Румынія	26	пѣх. дивизій
Польша	30	„ „
Латвія	4	„ „
Эстонія	3	„ „
Финляндія.	$3^1/_2$	„ „
Итого . .	$66^1/_2$	пѣх. дивизій.

При всемъ своемъ миролюбіи будущая Россія должна быть готова съ оружіемъ въ рукахъ заставить своихъ западныхъ сосѣдей считаться съ ея національными интересами и не позволить имъ мѣшать ея экономическому развитію.

Это приводитъ къ неминуемому слѣдствію, что всякая война, начавшаяся на западномъ фронтѣ Россіи, можетъ привести къ соотвѣтствующимъ результатамъ только въ томъ случаѣ, если она, хотя бы въ своемъ концѣ, закончится стратегическимъ наступленіемъ.

Стратегическое направленіе этого наступленія будетъ всецѣло зависѣть отъ той политической задачи, которая будетъ поставлена. Такихъ политическихъ задачъ можетъ быть три:

1) открытіе свободнаго экономическаго доступа къ Балтійскому морю — потребуетъ наступленія противъ Эстоніи и Латвіи;

2) освобожденіе захваченныхъ и угнетаемыхъ Польшею русскихъ областей — потребуетъ наступленія противъ Польши.

3) освобожденіе захваченной и угнетаемой Румыніей Бессарабіи — потребуетъ наступленія противъ Румыніи.

Окончательный выборъ того или другого операціоннаго направленія за главную операціонную линію представляетъ собою задачу плана войны. Здѣсь мы разсмотримъ только, какое количество пѣхотныхъ дивизій нужно Россіи для того, чтобы быть способной осуществить одну изъ перечисленныхъ выше трехъ задачъ, при оборонѣ на двухъ другихъ операціонныхъ направленіяхъ.

*) Revue Militaire Générale du 15 d'ecembre 1922.
Revue Militaire Française №№ 9, 14, 30. 7.
Bulletin Belge des Sciences Militaires № 7.
Журналъ „Война и Миръ“ №№ 11, 13, 14.

Наступленіе по любому изъ перечисленныхъ направленій должно быть организовано такъ, чтобы привести къ быстрымъ и рѣшительнымъ результатамъ, т. е. къ уничтоженію вооруженной силы на избранномъ направленіи. Это позволитъ, съ одной стороны, соблюсти большую экономію силъ на направленіяхъ нашей обороны, съ другой стороны — можетъ позволить осуществить дѣйствія по внутреннимъ линіямъ, т. е. послѣ рѣшительнаго разгрома врага на одномъ изъ направленій, нанести рѣшительное пораженіе и на другихъ — и, такимъ образомъ, вмѣсто 2—3 войнъ вести одну.

Вотъ почему мы считаемъ, что, при стратегически-наступательномъ планѣ войны, на операціонномъ направленіи, избранномъ для главнаго удара, мы должны имѣть двойное превосходство и въ числѣ пѣхотныхъ дивизій. Это — та стратегическая норма, которая эмпирически выработалась во время большой войны. Въ разбираемомъ нами случаѣ подобное превосходство силъ тѣмъ болѣе необходимо, что, вступая съ начала войны въ предѣлы вражеской страны, нужно быть готовымъ встрѣтить, кромѣ уже существующихъ дивизій, еще новыя формированія, могущія увеличить силы врага до 50%.

Въ томъ случаѣ, когда планъ войны будетъ носить стратегически оборонительный характеръ, и главный ударъ будетъ наноситься внутри нашей территоріи, наше превосходство въ силахъ въ районѣ главнаго удара можетъ быть меньшее и доходить только до полуторнаго размѣра.

Предлагаемое сосредоточеніе нашихъ силъ на избранномъ главномъ операціонномъ направленіи, конечно, должно быть осуществимо за счетъ экономіи на операціонныхъ направленіяхъ, принятыхъ временно за второстепенныя.

Но при осуществленіи этой экономіи силъ нужно имѣть въ виду, что потеря территоріи и городовъ на нашемъ западномъ фронтѣ не можетъ быть произведена съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ это возможно на нашемъ южномъ и восточномъ фронтахъ. Захватъ врагомъ такихъ центровъ, какъ Петроградъ и Кіевъ, является фактомъ не только стратегическаго, но и моральнаго значенія для страны. Несомнѣнно, что къ подобной возможности нужно заранѣе подготовить общественное мнѣніе, — это и составляетъ политическую часть принятой военной доктрины. Но, тѣмъ не менѣе, въ предварительныхъ стратегическихъ расчетахъ осуществленіе экономіи силъ должно быть произведено съ величайшей осторожностью.

Вотъ почему при расчетѣ силъ на второстепенныя операціонныя направленія мы исходимъ изъ слѣдующихъ нормъ:

а) въ случаѣ, если защищаемый районъ не имѣетъ нужной глубины для маневрированія, и для охраненія его мы вынуждены прибѣгнуть къ веденію позиціонной борьбы, должно быть равенство въ числѣ пѣхотныхъ дивизій съ противникомъ;

б) въ случаѣ, когда защищаемый районъ можетъ быть обороняемъ путемъ маневра и временнаго отодвиганія вглубь — должно быть двѣ трети числа пѣхотныхъ дивизій по сравненію съ угрожающимъ противникомъ;

в) въ томъ случаѣ, когда на прикрывающія войска возлагается лишь задача возможно дольше задерживать наступленіе противника, но разсчитывать на удержаніе района нельзя, необходима половина числа пѣхотныхъ дивизій по сравненію съ угрожающимъ противникомъ.

Имѣя въ виду эти нормы, приступимъ къ рѣшенію интересующей насъ задачи.

I. Наступленіе противъ Эстоніи и Латвіи должно считаться съ очень активнымъ давленіемъ Финляндіи на Петроградъ, удержаніе котораго при избранномъ главномъ операціонномъ направленіи является стратегически безусловно необходимымъ. Съ другой стороны, возможна и переброска большей части финляндской арміи для дѣйствій на южномъ берегу Финскаго залива. Вслѣдствіи этого слѣдуетъ считать, что число пѣхотныхъ дивизій, которое мы встрѣтимъ, можетъ быть равно 10.

Слѣдовательно, намъ нужно сосредоточить въ районѣ Петроградъ—Псковъ до 20 пѣх. дивизій. Считая, что Польша оставитъ не менѣе 5 дивизій противъ Германіи и Литвы, а Румынія 6 дивизій противъ Венгріи, Болгаріи и Югославіи, мы получимъ общее число непріятельскихъ первоочередныхъ дивизій равнымъ 45. Это потребуетъ отъ насъ оставленія противъ нихъ отъ 23 до 30 пѣх. дивизій. Такимъ образомъ, выполненіе первой изъ перечисленныхъ выше политическихъ задачъ потребуетъ наличія на западномъ русскомъ фронтѣ отъ 43 до 50 пѣх. дивизій.

II. Наступленіе противъ Польши, если оно будетъ осуществлено къ сѣверу отъ Полѣсскихъ болотъ, не встрѣтитъ на этомъ направленіи, кромѣ польскихъ, еще и румынскихъ войскъ. Но зато къ югу отъ Полѣсья польскія войска могутъ быть всецѣло аамѣнены румынскими. Это позволитъ польской арміи всецѣло сосредоточить всѣ свои силы на операціонномъ направленіи Гродно — Смоленскъ.

Охрана противъ Германіи потребуетъ оставленія противъ нея Польшей не менѣе 3 дивизій. Литва же, при наступленіи русскихъ черезъ Вильну, конечно не останется нейтральной. 4 литовскія дивизіи отвлекутъ на себя не менѣе 2 польскихъ. Такимъ образомъ, максимумъ числа пѣхотныхъ дивизій, которыя можетъ сосредоточить Польша противъ наступающей къ сѣверу отъ Полѣсья Россійской арміи, достигаетъ 25. Придерживаясь принятой нами для расчета нормы, число дивизій, необходимыхъ для осуществленія наступленія противъ Польши, достигаетъ 50. На второстепенныхъ направленіяхъ должно быть оставлено: въ районѣ Петрограда, ввиду его исключительной важности — 10 пѣх. дивизій; къ югу же отъ Полѣсья отъ 10 до 12, противъ 20 румынскихъ дивизій.

Такимъ образомъ, общее число дивизій, которое необходимо Россіи на ея западномъ фронтѣ для выполненія второй изъ указанныхъ выше политическихъ задачъ, достигаетъ отъ 70 до 72 пѣхотн. дивизій.

III. Наступленіе Россійской арміи противъ Румыніи потребуетъ 40 пѣх. дивизій (противъ 20 румынскихъ). Обезпеченіе праваго фланга этого наступленія потребуетъ сильнаго заслона, въ направленіи на Ровно и Тарнополь, противъ угрозы части польской арміи. Вотъ почему мы считаемъ, что общее число оставленныхъ противъ польской арміи нашихъ дивизій должно достигать равенства съ общимъ числомъ польскихъ дивизій, т. е. 25. Наконецъ, противъ Латвіи, Эстоніи и Финляндіи число оставленныхъ дивизій можетъ колебаться между 7 и 10.

Такимъ образомъ, при веденіи наступательной войны противъ Румыніи, общее число пѣхотн. дивизій на нашемъ западномъ фронтѣ должно достигать 72—75.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію интересующихъ насъ вопросовъ съ другой точки зрѣнія.

Посмотримъ, сколько пѣхотныхъ дивизій нужно Россіи, чтобы осуществить только узко оборонительную стратегическую задачу.

Въ этомъ случаѣ Россія можетъ использовать глубину театра военныхъ дѣйствій, но напомнимъ опять, что потеря территоріи на нашемъ западномъ фронтѣ не можетъ происходить въ такой же мѣрѣ, какъ на нашихъ южной и восточной окраинахъ.

Поэтому необходимо, используя глубину, быть въ то же время въ состояніи наносить по очереди пораженія наиболѣе опасному въ данную минуту противнику. Самымъ сильнымъ изъ нихъ по числу дивизій является Польша. Считая, что для одержанія успѣха, при условіи углубленія ея въ нашу территорію не далѣе Днѣпра, намъ необходимо обезпечить не менѣе, чѣмъ полуторное превосходство въ количествѣ пѣхотныхъ дивизій, мы получимъ 37 пѣхотныхъ дивизій. Разсчитывая необходимое оставленіе на другихъ направленіяхъ количества пѣхотныхъ дивизій по минимальной нормѣ ($^1/_2$), мы получимъ еще потребность, равную 15 дивизіямъ. Итого — 52 пѣхотныхъ дивизіи.

До сихъ поръ мы разсматривали только число пѣхотныхъ дивизій, необходимыхъ для веденія войны на западномъ фронтѣ. Нѣкоторое, хотя и минимальное, число должно быть оставлено на Кавказѣ, въ Туркестанѣ и на Д. Востокѣ. Считая минимумъ этотъ равнымъ 5 пѣх. дивизіямъ (3 пѣх. дивизіи на Кавказѣ *) и Туркестанѣ и 2 къ востоку отъ оз. Байкалъ), мы получимъ, что общее число необходимыхъ Россіи на всѣхъ фронтахъ пѣхотныхъ дивизій въ случаѣ войны на западѣ можетъ быть охарактеризовано двумя предѣлами:

*) Въ началѣ войны 1914 г. противъ турокъ оставленныя на Кавказѣ силы равнялись 3-мъ пѣхот. дивизіямъ.

60 пѣх. дивизій, какъ меньшій предѣлъ и
80 " " какъ большій предѣлъ.

Теперь посмотримъ, какое число пѣхотн. дивизій потребуется Россіи въ случаѣ войны на южномъ или восточномъ фронтѣ.

Въ минувшую войну мы съ большимъ успѣхомъ боролись съ турками, никогда не имѣя противъ нихъ болѣе 12 пѣх. дивизій. Такимъ образомъ, считаясь съ вѣроятной необходимостью оставить западный фронтъ при полной его обороноспособности (52 пѣх. дивизіи), а также 2 пѣхотн. дивизіи на Д. Востокѣ, мы получимъ общее число пѣхотн. дивизій, нужное Россіи въ случаѣ войны на южномъ фронтѣ, достигающимъ 66.

Въ случаѣ нападенія Японіи на наши дальневосточныя владѣнія, она можетъ направить противъ насъ всѣ свои 21 дивизію. Для противодѣйствія имъ намъ придется перебросить за Байкалъ до 30 пѣх. дивизій, дабы довести общее число дѣйствующихъ противъ Японіи нашихъ дивизій до полуторнаго превосходства. При весьма вѣроятной необходимости сохранить на своемъ западномъ фронтѣ полную обороноспособность (52 пѣх. дивизіи) и оставить на южномъ фронтѣ 3 пѣх. дивизіи, мы получимъ, что общее число пѣхотн. дивизій, необходимыхъ Россіи при войнѣ съ Японіей достигаетъ 87.

Но борьба на нашемъ южномъ и восточномъ фронтахъ, хотя и чрезвычайно между собою разнится, въ одномъ отношеніи представитъ одну общую стратегическую особенность. Ни война на южномъ фронтѣ, ни война на Востокѣ не потребуетъ общей мобилизаціи россійской вооруженной силы.

При возникновеніи войны съ Турціей это является слѣдствіемъ крайней медленности мобилизаціи и сосредоточенія турецкой арміи для дѣйствій противъ Кавказа. При возникновеніи войны съ Японіей намъ приходится считаться съ предѣльной возможностью переброски нашихъ войскъ по одной Сибирской ж. д. магистрали.

Такимъ образомъ, и въ первомъ и во второмъ случаѣ у насъ будетъ время сформировать новыя 5—8 дивизій. Вотъ почему мы и считаемъ, что вполнѣ допустимо остаться при опредѣленіи общаго числа пѣхотныхъ дивизій, которое должна выставить Россія при общей мобилизаціи, не выше уже указанныхъ нормъ:

60—какъ меньшій предѣлъ и
80—какъ большій предѣлъ.

Такимъ образомъ, оба эти предѣла можно разсматривать, какъ нормы для опредѣленія силы Россійской арміи, необходимой на всѣ случаи, причемъ меньшій предѣлъ обезпечиваетъ оборону на Западѣ теперешней территоріи Россіи, а также выполненіе наступательныхъ задачъ къ побережью Балтійскаго моря и на Ближ. Востокѣ. Для выполненія же прочихъ наступательныхъ задачъ въ Европѣ и защиты Д. Востока намъ

необходимо довести численость нашей вооруженной силы до большаго предѣла.

Принимая нормальный составъ армейскаго корпуса въ три пѣхотныхъ дивизіи, а арміи въ 10 — 14 пѣхотныхъ дивизій, мы получимъ, что число корпусовъ и армій будетъ достигать:

при меньшемъ предѣлѣ—20 корпусовъ и 5 армій.
при большемъ предѣлѣ—27 корпусовъ и 7 армій.

Примѣненный нами методъ для исчисленія „Количественной“ силы Русской арміи основывается на учетѣ „количественной“ силы армій возможныхъ противниковъ Россіи, причемъ, на первое мѣсто при этомъ расчетѣ выдвигается угроза на наиболѣе опасномъ фронтѣ — западномъ.

Само собой разумѣется, что всякое увеличеніе въ вооруженныхъ силахъ нашихъ западныхъ сосѣдей должно вызвать увеличеніе нашей вооруженной силы.

Но наши западные сосѣди уже сейчасъ дошли до напряженія гораздо большаго, чѣмъ то напряженіе, которое потребуется отъ Россіи даже при наибольшей изъ вышеуказанныхъ нормъ.

Считая численность населенія современной Россіи въ 120 милліоновъ, мы получимъ:

при первомъ предѣлѣ — 1 пѣх. дивизія приходится на 2 милліона жителей;

при второмъ предѣлѣ—1 пѣх. дивизія приходится на $1^1/_2$ милліона жителей;

Сравнивая же это напряженіе съ тѣмъ, къ которому готовятся наши сосѣди, мы увидимъ, что:

въ Финляндіи	1	пѣх.	див.	придется	на	1.000.000	жителей,
„ Эстоніи	„	„	„	„	„	400.000	„
„ Латвіи	„	„	„	„	„	450.000	„
„ Польшѣ	„	„	„	„	„	900.000	„
„ Румыніи	„	„	„	„	„	600.000	„

Отсюда можно заключить, что выведенные нами предѣлы, наименьшій въ 60, и наибольшій въ 80 пѣхот. дивизій, не подвергнутся большимъ измѣненіямъ, т. к. наши западные сосѣди наврядъ ли въ ближайшемъ періодѣ времени въ состояніи будутъ пойти на дальнѣйшее увеличеніе своей вооруженной силы.

При нашемъ исчисленіи мы исходимъ изъ указаннаго нами въ главѣ 4-й принципа: „Равненіе по наиболѣе сильному и современно организованному противнику“. Говоря другими словами, мы считали русскія пѣхотныя дивизіи равносильными съ пѣхотными дивизіями любого изъ противниковъ. Какъ осуществить это, будетъ разсмотрѣно въ дальнѣйшихъ очеркахъ.

Очеркъ № 6-й

Характеристика нашего главнаго пограничнаго театра военныхъ дѣйствій.

Въ предыдущей главѣ мы затронули вопросъ о глубинѣ нашихъ пограничныхъ театровъ. Въ Азіи эта глубина измѣряется тысячами верстъ. На Кавказѣ она меньше, но горы, сильно замедляющія развитіе операцій, вполнѣ компенсируютъ глубину. На Западномъ же фронтѣ, т. е. на главномъ по своему значенію фронтѣ, условія не столь благопріятны. Разсмотримъ этотъ фронтъ по раіонамъ.

Къ сѣверу отъ Ладожскаго озера отсутствуютъ какіе либо объекты для серьезныхъ въ стратегическомъ отношеніи военныхъ дѣйствій. Это позволяетъ намъ исключить этотъ раіонъ изъ поля зрѣнія настоящаго труда.

Петроградскій раіонъ. Слѣдующій къ югу раіонъ, граничащій съ Финляндіей между Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ, а къ югу отъ этого залива — съ Эстоніей и Латвіей, назовемъ условно Петроградскимъ. Перенесеніе въ Москву всѣхъ органовъ управленія и полная разгрузка Петрограда отъ какихъ либо заводовъ военнаго значенія, конечно, уменшаетъ значеніе вражескаго захвата Петрограда. Но, тѣмъ не менѣе, отрицать громадное значеніе для насъ этой потери нельзя. Между тѣмъ защита Петрограда очень затруднена вслѣдствіе отсутствія глубины. Финляндская граница находится всего въ 30 верстахъ. Такимъ образомъ, армія, призванная для защиты Петрограда, вынуждена будетъ прибѣгнуть къ позиціонной борьбѣ. Послѣдняя будетъ протекать въ Петроградскомъ раіонѣ въ неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ. Финляндскія и Эстонскія арміи, пользуясь морскими сообщеніями, могутъ широко примѣнить въ этой борьбѣ массированіе современныхъ техническихъ средствъ. Эта возможность приметъ большіе размѣры въ томъ случаѣ, если эти государства будутъ поддерживаться Великобританіей.

Послѣ потери Петрограда, для непріятеля, наступающаго на Москву, ближайшимъ объектомъ крупнаго стратегическаго значенія является желѣзнодорожный узелъ — Бологое. Но здѣсь уже въ нашемъ распоряженіи будетъ глубина въ 300 верстъ и оборонительные рубежи, образуемые рѣкой Волховъ и рѣками Сясь, Мда и Мста.

Въ южной части Петроградскаго раіона потеря Пскова и Острова, конечно, не можетъ быть приравнена къ потерѣ Петрограда, но за то, дальнѣйшее движеніе противника въ юговосточномъ направленіи угрожаетъ обходомъ съ сѣвера желѣзнодорожнаго треугольника—Ново-Сокольники—Великія Луки—Невель. Здѣсь глубина достигаетъ только 200 верстъ, такъ какъ остановка противника на р. Полисти и во всякомъ

случаѣ на нижней половинѣ р. Ловати, является необходимой въ томъ случаѣ, если мы хотимъ держать въ своихъ рукахъ вышеупомянутый желѣзно-дорожный треугольникъ.

Смоленскій раіонъ. Слѣдующій раіонъ къ югу, заключающій въ себѣ на сѣверѣ этотъ желѣзнодорожный треугольникъ, а на югѣ желѣзно-дорожный узелъ Гомель, является исходнымъ пунктомъ для наступленія русскихъ армій по важнѣйшему операціонному направленію Смоленскъ — Варшава. По этому же раіону, который мы назовемъ условно Смоленскимъ, пролегаютъ кратчайшіе пути польскихъ армій на Москву. Понимая всю стратегическую важность этого района, польскій генеральный штабъ провелъ польскую границу такъ, чтобы захватить въ нее нашу желѣзнодорожную линію Вильно—Барановичи—Лунинецъ—Сарны—Ровно. Мы не знаемъ, какіе этнографическіе мотивы были выставлены польской дипломатіей для оправданія этого циничнаго захвата русской территоріи, но стратегическіе совершенно ясны. Обладаніе поляками этой желѣзнодорожной линіей заставляетъ отнести наше сосредоточеніе на востокъ на достаточное удаленіе отъ вышеупомянутой желѣзнодорожной линіи.

Рубежи р.р. Нарочь и Птичь могутъ быть использованы нашими прикрывающими развертываніе войсками, но рѣшительное сопротивленіе, въ виду запаздыванія нашего сосредоточенія, можетъ быть оказано не западнѣе рубежа р.р. Березины и Уллы.

Рѣка Днѣпръ къ югу отъ Орши служитъ слѣдующимъ серьезнымъ оборонительнымъ рубежомъ, придавая особое стратегическое значеніе участку Витебскъ—Орша—Смоленскъ, лежащему въ корридорѣ между верхней Зап. Двиной и верхнимъ Днѣпромъ. Исключительное значеніе этого участка ярко выявилось при всѣхъ вторженіяхъ въ Россію поляковъ, а также Наполеона въ 1812 году. Овладѣніе польскими арміями Смоленскомъ и дальнѣйшее наступленіе ихъ на Вязьму—Москву позволитъ намъ разыграть очень выгодное, по своему стратегическому начертанію, сраженіе: наступая съ сѣвера съ жел.-дор. линіи Ржевъ—Великія Луки, и съ юга—съ жел.-дор. линій, ведущихъ отъ Калуги, Сухиничи и Жуковки, мы можемъ осуществить стратегическіе клещи Аннибала у Каннъ. Но это потребуетъ пріостановки рѣшительныхъ наступательныхъ операцій на другихъ направленіяхъ. Поэтому, въ томъ случаѣ, если цѣлью первой операціи будетъ наступленіе къ Балтійскому морю или на Бессарабію, мы должны будемъ стремиться остановить противника по крайней мѣрѣ на линіи Витебскъ—Орша и далѣе по Днѣпру. Такимъ образомъ, наибольшую стратегическую глубину въ Смоленскомъ раіонѣ нужно считать равной 200 верстамъ.

Обиліе выгодныхъ рѣчныхъ оборонительныхъ рубежей отнюдь не вызываетъ необходимости веденія въ этомъ раіонѣ

позиціонной войны. Напомнимъ аксіому Наполеона, что рѣки—это преграды, которыя всегда прорываются. Но въ то же время рѣчные рубежи чрезвычайно выгодны для активной, подвижной обороны.

Въ этомъ раіонѣ можетъ быть съ особымъ успѣхомъ осуществлена не только „упругая" оборона, но и та форма стратегической обороны, которая можетъ быть названа „обволакивающимъ" отступательнымъ маневромъ. Примѣромъ подобнаго маневра являются дѣйствія 8 германской арміи противъ арміи Самсонова. Нѣмцы, готовящіеся къ подавляющему численному превосходству французовъ въ случаѣ войны въ ближайшемъ будущемъ, обратили особое вниманіе въ своей современной доктринѣ на этого рода маневръ, считая, что примѣненіе этого метода позволитъ имъ одновременно выиграть фланги противника и подготовить свои національные рессурсы для послѣдующаго наступленія*)

Въ томъ случаѣ, когда наша стратегія сразу приметъ наступательный характеръ и главною цѣлью нашей первой операціи будетъ наступленіе на Польшу, русскимъ арміямъ, вошедшимъ въ предѣлы нынѣшней Польши, придется пересѣкать крупные рѣчные рубежи: р.р. Нѣманъ и Шара, р. Наревъ, р. Бугъ и, наконецъ, р. Вислу. Такимъ образомъ, и въ случаѣ стратегическихъ наступательныхъ нашихъ дѣйствій, отъ нашихъ войскъ потребуется высокое искусство маневрированія, такъ какъ несомнѣнно, что польская армія также постарается использовать выгодныя условія активной обороны водныхъ рубежей.

Напомнимъ, что въ войнѣ 1920 года разгромъ большевицкихъ армій, докатившихся до Варшавы, былъ произведенъ при слѣдующихъ условіяхъ. Совѣтскія арміи, наступавшія къ сѣверу отъ Полѣсья, перешли Бугъ и продолжали фронтальное движеніе къ Вислѣ. 4-го августа бои разыгрались на фронтѣ Остроленка—Холмъ. Польское главнокомандованіе правильно учитываетъ, что рѣка Висла между Новогеоргіевскомъ и Ивангородомъ является сильнымъ оборонительнымъ рубежомъ, въ который упрется лбомъ успѣшно дѣйствующій большевицкій центръ. Поэтому, несмотря на большое разстройство своихъ частей, отступающихъ передъ большевиками, и несмотря на то, что послѣдніе докатываются въ направленіи Варшавы до Радимина, польское главнокомандованіе спѣшно сосредотачиваетъ маневренные массы на обоихъ флангахъ; на польскомъ лѣвомъ флангѣ, въ раіонѣ впаденія Бзуры въ Вислу, собирается V-я армія подъ начальствомъ генерала Сикорскаго, а въ раіонѣ Люблина, подъ прикрытіемъ р. Вепржа—III и IV-я арміи подъ начальствомъ маршала Пилсудскаго. 15 августа обѣ эти массы начинаютъ свой маневръ. V-я армія генерала Сикорскаго освобождаетъ съ сѣвера подступы къ

*) Статья Com Mabille подъ заглавіемъ: „Нынѣшняя германская военная доктрина" въ № 20 „Revue Militaire Francaise" отъ 1 февраля 1923 года.

Новогеоргіевску и наступаетъ на фронтѣ Пултускъ—Млава. Здѣсь она бьетъ правофланговыя арміи (№№ 4 и 5) и откидываетъ ихъ въ Восточную Пруссію. Въ то же время, прикрывшись заслонами со стороны Холма и Влодавы, а также со стороны Львова, куда потянулись увлекшіеся грабежами 12-ая красная армія и Буденный, — арміи маршала Пилсудскаго перешли въ рѣшительное наступленіе на фронтѣ Бѣла—Новоминскъ. Центральныя красныя арміи, катившіяся къ Вислѣ, взяты во флангъ и въ тылъ; начинается безпорядочное отступленіе, переходящее мѣстами въ паническое бѣгство. Красные катятся назадъ быстрѣе, чѣмъ впередъ, такъ что къ 25 августа, т.-е. черезъ 10 дней послѣ начала маневра, поляки достигаютъ уже фронта Осовецъ—Брестъ-Литовскъ, захвативъ множество плѣнныхъ и оружія. Этотъ примѣръ поучителенъ для будущаго. Польская армія находилась въ это время только въ началѣ своей организаціи, а потому въ качественномъ отношеніи обѣ борющіяся стороны немногимъ отличались другъ отъ друга. Тѣмъ не менѣе, несмотря на низкій качественный уровень обѣихъ сторонъ, операція получила рѣзко выраженный характеръ маневра, использующаго рѣчные рубежи. Такой же характеръ примутъ операціи въ этомъ раіонѣ въ будущей войнѣ.

Такимъ образомъ, русскія арміи, предназначенныя для дѣйствія на операціонномъ направленіи Смоленскъ—Варшава, должны быть доведены, какъ въ случаѣ стратегической обороны, такъ и въ случаѣ стратегическаго наступленія, до высшей степени маневренной способности.

Кіевскій раіонъ. Важнѣйшимъ объектомъ для дѣйствій непріятельскихъ армій, вторгнувшихся въ Россію къ югу отъ Полѣсья, является Кіевъ. Какъ политическій центръ Южной Россіи, онъ можетъ представить собою большой соблазнъ для Польши, заносчиво претендующей на правобережную Украйну. Съ этой цѣлью Польское правительство будетъ упорно всѣми мѣрами продолжать свою политику стравливанія Юга Россіи съ ея Сѣвромъ. Но опытъ избранія Поляками Кіева за главный стратегическій объектъ дѣйствій кончился въ 1920 г. неудачно. Большевики совершенно правильно временно пренебрегли захватомъ поляками Кіева и отвѣтили ударомъ къ сѣверу отъ Полѣсья, который докатился, какъ мы выше говорили, до Варшавы.

При совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи поляковъ и румынъ, первые могутъ избрать направленіе, ведущее на Кіевъ, для содѣйствія наступленію румынъ, но, повторяемъ, наличіе Русской угрозы изъ Смоленскаго раіона не позволяетъ полякамъ и въ этомъ случаѣ сосредоточить къ югу отъ Полѣсья свои главныя силы.

Не смотря на второстепенное стратегическое значеніе Кіева при нашей войнѣ съ Польшей, утрата его имѣетъ большое политическое и моральное значеніе для внутреннихъ взаимо-

отношеній Сѣвера и Юга Россіи. Вотъ почему развертываніе нашихъ войскъ въ началѣ войны не можетъ быть отнесено здѣсь на лѣвый берегъ Днѣпра, а должно предвидѣть прикрытіе Кіева на правомъ берегу рѣки. Это сосредоточеніе войскъ можетъ использовать для своего прикрытія со стороны Польши южные притоки рѣки Припяти, а также рѣку Бугъ. Стратегическая глубина для прикрытія нашего развертыванія въ Кіевскомъ раіонѣ достигнетъ, такимъ образомъ, 200 верстъ.

Развертываніе арміи въ Кіевскомъ раіонѣ отвѣчаетъ тому случаю, если нами предпринималось бы наступленіе противъ Румыніи. Это наступленіе встрѣтитъ на своемъ пути такіе крупные рѣчные рубежи, какъ Днѣстръ и Прутъ. Форсированіе ихъ облегчается по мѣрѣ удаленія отъ моря. Вотъ почему исходный фронтъ развертыванія главныхъ силъ нашей арміи для вторженія въ Бессарабію долженъ быть избранъ между Кіевомъ и Знаменкой. Подобное же рѣшеніе обуславливается также начертаніемъ желѣзнодорожной сѣти. Но избраніе для наступательныхъ дѣйствій противъ Румыніи операціонной линіи Кіевъ—Яссы вынудитъ насъ принять мѣры для обезпеченія этой операціонной линіи справа, отъ возможнаго содѣйствія Румынамъ со стороны Польши. Это потребуетъ отъ насъ вести вспомогательную операцію на фронтѣ Ровно—Тарнополь.

Южно-русскій раіонъ. Одесса представитъ первый объектъ дѣйствій Румынъ. Защищать Одессу нельзя. Близость ея отъ границы *) потребуетъ веденія съ первыхъ же дней позиціонной войны и, такимъ образомъ, прикуетъ большое количество нашихъ силъ къ нашему крайнему лѣвому флангу. Какъ ни непріятно въ политическомъ и экономическомъ отношеніи предрѣшеніе не защищать Одессу, тѣмъ не менѣе съ этой мыслью приходится помириться. Только дезаннексія Бессарабіи можетъ защитить Одессу отъ вражескаго нашествія. Первое рѣшительное сопротивленіе вторгающимся на югъ Россіи румынамъ можетъ быть оказано только на р. Ингулъ, сосредотачивая главныя силы для прикрытія Кривого Рога. Вслѣдствіе этого и на дѣйствительное прикрытіе Николаева расчитывать трудно и всѣ военныя верфи должны быть перенесены въ Севастополь и пункты далѣе къ востоку. По этимъ же причинамъ всякое расширеніе коммерческихъ портовъ къ западу отъ Севастополя должно производиться съ осторожностью. Отсюда видно, что аннексія Румыніей Бессарабіи является тяжелымъ ударомъ для русскаго народа не только въ смыслѣ незаконнаго захвата части его территоріи, но еще тѣмъ, что этотъ захватъ сильно стѣсняетъ выходы Россіи къ побережью Чернаго моря.

Стратегическая оцѣнка Кіевскаго и Южно-русскаго раіо-

*) Водопроводъ Одессы находится у Бѣляевки, т. е. на самой теперешней границѣ съ Румыніей.

новъ приводитъ насъ къ заключенію, что, хотя эти раіоны съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ Россіи имѣютъ меньшее стратегическое значеніе, тѣмъ не менѣе и здѣсь глубина отодвиженія фронта рѣшительной борьбы далѣе 200 верстъ отъ границы невозможна. Вмѣстѣ съ тѣмъ и здѣсь, какъ и въ Смоленскомъ раіонѣ, борьба приметъ не позиціонный характеръ, а рѣзко выраженный маневренный. Такъ, напримѣръ, сосредотачивая главныя силы для прикрытія Кривого Рога, развертываніе Кіевской арміи между Кіевомъ и Бобринской поможетъ оборонѣ Кривого Рога контръ-наступленіемъ этой арміи въ направленіи на Елизаветградъ.

Рѣки, также какъ и къ сѣверу отъ Полѣсья, будутъ имѣть громадное значеніе при дѣйствіяхъ въ Кіевскомъ и Южнорусскомъ раіонахъ для развитія маневра, служа для него какъ бы канвой.

Военно-географическія условія борьбы на нашемъ Западномъ фронтѣ требуютъ отъ будущей Русской арміи маневренной способности въ самой высокой степени.

Подводя общій итогъ сказанному при разсмотрѣніи различныхъ раіоновъ нашего фронта, можно придти къ слѣдующему основному выводу:

Къ формамъ позиціонной борьбы мы будемъ вынуждены прибѣгнуть съ самаго начала войны лишь для прикрытія Петрограда; на всѣхъ другихъ участкахъ Западнаго фронта даже оборона должна носить ярко выраженный характеръ маневра; слѣдовательно военно-географическія условія борьбы на нашемъ главномъ фронтѣ требуютъ, чтобы *будущая Русская Армія была бы доведена до высшей степени маневренной способности.*

Подобная постановка вопроса имѣетъ рѣшающее значеніе для всѣхъ организаціонныхъ мѣръ по возсозданію Россійской вооруженной силы. Она далеко выдвигаетъ впередъ вопросъ „качества“ войскъ и высокой подготовки командnаго состава.

Въ частности, не можетъ быть повторенія ошибки, сдѣланной генераломъ Сухомлиновымъ и его сотрудниками, при формированіи съ объявленіемъ мобилизаціи второочередныхъ дивизій со слабыми кадрами. Это была погоня за количествомъ въ ущербъ качеству. При экономическихъ затрудненіяхъ, которыя Россія будетъ испытывать въ дѣлѣ соотвѣтствующаго оборудованія своей вооруженной силы матеріальною частью, непродуктивно давать дорого стоющія современныя машины въ руки неподготовленныхъ къ подвижной войнѣ.

Изученіе театра военныхъ дѣйствій на нашемъ Западномъ фронтѣ показываетъ, что кромѣ Петроградскаго раіона, глубина, на которую можетъ быть отодвинуто наше стратегическое развертываніе, достигаетъ 200 верстъ. Эта данная имѣетъ существенное стратегическое значеніе, такъ какъ сосредоточеніе нашихъ силъ неизмѣнно будетъ запаздывать по сравненію съ нашими западными сосѣдями. Причина этого запазды-

ванія неизмѣнна — это обширность нашей территоріи. Начинать же рѣшительныя военныя дѣйствія, не закончивъ сосредоточенія, равносильно подставленію себя по частямъ подъ удары противника. Печальный опытъ нашего плана минувшей большой войны служитъ послѣднимъ краснорѣчивымъ доказательствомъ ошибочности подобнаго метода начала войны.

Глубина въ 200 верстъ, при умѣломъ ея использованіи прикрывающими войсками, даетъ выигрышъ во времени не менѣе чѣмъ въ 20 дней. Если прибавить къ этому сроку еще отъ 10 до 15 дней на мобилизацію и сосредоточеніе нашихъ вѣроятныхъ противниковъ на Западномъ фронтѣ, мы получимъ тотъ срокъ, къ концу котораго наши арміи должны быть готовы для рѣшительныхъ дѣйствій.

Опытъ мобилизаціи и сосредоточенія въ войну 1914 года показываетъ:

1) Къ 30-му дню въ раіонъ сосредоточенія могли прибыть всѣ первоочередныя дивизіи, расположенныя въ Европейской Россіи;

2) Къ 40-му дню — могли прибыть первоочередныя дивизіи, расположенныя на Кавказѣ;

3) Къ 50-му дню — могли прибыть первоочередныя дивизіи, расположенныя въ Туркестанѣ и въ Западной Сибири;

4) Къ 60-му дню — могли прибыть первоочередныя дивизіи, расположенныя въ Средней Сибири;

5) Между 70—80 днями — могли прибыть первоочередныя дивизіи, расположенныя на Дальнемъ Востокѣ.

При сосредоточеніи русскихъ Армій на меридіанѣ рѣки Днѣпра эти сроки сокращаются на 7—10 дней.

Такимъ образомъ, срокъ въ *одинъ мѣсяцъ* можетъ быть принятъ для опредѣленія готовности нашихъ армій, состоящихъ изъ полевыхъ (первоочередныхъ) дивизій, для рѣшительныхъ дѣйствій.

Преобладающее значеніе, которое должно быть отведено маневру при борьбѣ на нашемъ Западномъ фронтѣ, должно отразиться на инженерной подготовкѣ театра войны и вооруженной силы.

Только въ раіонѣ Петрограда эта подготовка можетъ принять крѣпостной характеръ. Это позволяетъ воздержаться отъ крупныхъ расходовъ съ постройкой современныхъ крѣпостей (укрѣпленныхъ раіоновъ) и подержанію ихъ на уровнѣ современности. Какъ велики подобные расходы свидѣтельствуетъ показаніе авторитетнаго военнаго инженера генерала Величко на судѣ надъ Сухомлиновымъ. Генералъ Величко заявилъ, что для того, чтобы Новогеоргіевскъ могъ бы дольше продержаться, чѣмъ это случилось на дѣлѣ, требовалось бы на его усовершенствованіе 100 милліоновъ рублей.

Экономія, которую дастъ отказъ отъ созиданія крѣпостей на нашемъ Западномъ фронтѣ, позволитъ намъ сосредоточить наши средства на богатомъ оборудованіи самой арміи „подвижными военно-инженерными средствами“. Среди

этихъ средствъ на первое мѣсто должны быть поставлены средства для форсированія рѣкъ и для устройства переправъ черезъ нихъ. Наши арміи должны быть сдѣланы способными къ активному использованію рѣкъ, которыя, какъ мы указывали выше, явятся наиболѣе характернымъ элементомъ борьбы на нашемъ Западномъ фронтѣ. Чѣмъ высшей степени достигнутъ въ этомъ отношеніи наши арміи, тѣмъ менѣе онѣ будутъ нуждаться въ устройствѣ долговременныхъ тетдепоновъ.

Подготовка русской Арміи къ подвижной войнѣ предъявляетъ большія требованія къ подготовкѣ дорожной сѣти.

Какъ при стратегическомъ наступленіи, такъ и особенно при стратегической оборонѣ, маневренное использованіе Россійской вооруженной силы требуетъ возможности быстрой рокировки силъ изъ одного раіона въ другой. Для этого могутъ служить слѣдующія желѣзнодорожныя линіи:

а) одноколейная — Лихославль — Вязьма — Калуга — Брянскъ—Бахмачъ—Лозовая;

б) двухъ-колейная — Москва — Орелъ — Курскъ — Харьковъ—Синельниково;

в) двухъ-колейная — Москва—Рязань—Тамбовъ—Воронежъ—Лиски.

Это позволитъ разсчитывать, при средней провозоспособности, на рокировочную способность*) въ 2 пѣх. дивизіи въ сутки. При доведеніи же вышеперечисленныхъ желѣзныхъ линій до высшей провозоспособности**) рокировочная возможность увеличится до 3-хъ дивизій въ сутки.

Подобную „отдачу“ можно считать достаточной.

Также точно удовлетворительно разрѣшается вопросъ о соотвѣтствіи желѣзно-дорожной сѣти, лежащей по ту сторону теперешней границы. Операціонныя линіи нашихъ вѣроятныхъ наступленій будутъ обслуживаться желѣзно-дорожными магистралями, нами построенными для обслуживанія выходовъ изъ центра Россіи къ Балтійскому морю или для ускоренія нашего сосредоточенія къ прежней границѣ.

Единственное затрудненіе, съ которымъ вынуждены будутъ считаться наступающія русскія арміи, это возстановленіе желѣзнодорожныхъ мостовъ, которые будетъ портить отступающій противникъ. Такимъ образомъ, въ области желѣзнодорожной подготовки главное вниманіе созидателей будущей русской Арміи должно быть перенесено въ область оборудованія арміи „подвижными“ средствами для быстраго исправленія существующихъ желѣзныхъ дорогъ и ихъ эксплоатаціи.

Въ противоположность „желѣзно-дорожнымъ“ условіямъ, въ которыхъ будетъ протекать наша борьба на западномъ фронтѣ, вопросъ о шоссейныхъ дорогахъ стоитъ очень остро.

---

*) Взята германская норма 18 поѣздовъ на колею въ сутки (изъ нихъ 3 факультативныхъ).

**) Также взята германская норма въ 30 поѣздовъ на одну колею въ сутки (изъ 5 факультативныхъ).

Большинство изъ нихъ было построено на территоріи нынѣ отнятой у Россіи. Заблаговременная постройка стратегическаго шоссе въ такихъ раіонахъ, какъ Смоленскій, Кіевскій и Южно-русскій, гдѣ, какъ мы выше говорили, война должна принять рѣзко выраженный подвижной характеръ, представитъ большія трудности. Всякое измѣненіе въ данныхъ обстановки заставитъ измѣнить и направленіе маневровъ. Вотъ почему мы и предполагаемъ, что гораздо экономнѣе будетъ первыя ассигнованія, сдѣланныя государствомъ на этотъ предметъ, употребить на сформированіе дорожныхъ отрядовъ, снабженныхъ послѣдними достиженіями техники, для быстрой постройки шоссированныхъ дорогъ, прокладки и улучшенія грунтовыхъ дорогъ. Примѣненіе ихъ въ мирное время можно производить не только на вѣроятныхъ стратегическихъ направленіяхъ, но и для выполненія работъ, потребныхъ для хозяйственныхъ интересовъ страны. Подобная постановка дѣла позволитъ придать болѣе производительный характеръ затратамъ на военно-дорожную подготовку.

Но независимо отъ этихъ мѣръ, потребуется богатое оборудованіе русской Арміи различнаго типа переносными дорогами. Правильному разрѣшенію этого особо важнаго для Россіи вопроса передъ войной 1914 г. не было въ должныхъ размѣрахъ удѣлено вниманія.

Наконецъ, необходимо упомянуть здѣсь еще объ одномъ вопросѣ, имѣющемъ непосредственное отношеніе къ территоріи. Мы говоримъ о картахъ. Для военныхъ дѣйствій на теперешнемъ Западномъ русскомъ фронтѣ имѣются только 25 верстки, 10 верстки и 3-хъ верстныя карты. Это совершенно недостаточно, въ особенности принимая во вниманіе несоотвѣтствіе нашей 3-хъ верстной карты современнымъ тактическимъ требованіямъ.

Разсчитывать на то, что въ мирное время будетъ закончено составленіе болѣе подробныхъ картъ всего театра — трудно. Ожиданіе подвижной борьбы особенно затрудняетъ это дѣло, такъ какъ сильно раздвигаетъ раіоны, подлежащіе заблаговременной новой съемкѣ. Остается использовать въ этомъ отношеніи новое средство техники — воздушную фотографію. Правда, работа въ этой области — работа новая. Но современная техника достигла такого могущества, что она въ концѣ концовъ всегда даетъ положительный отвѣтъ настойчивому исканію. Во всякомъ случаѣ широкое использованіе воздушной фотографіи предъявляетъ требованіе къ не только богатому оборудованію нашей арміи фотографическими и картографическими средствами, но требуетъ достаточно мощной авіаціи.

Ноябрь 1924 г.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK54
.G6
1939

Русскій военно-науч

въ Бѣлг

Существуетъ съ

Предсѣдатель Института профессо

Имѣетъ цѣлью разработку
енной науки на уровнѣ современн

Является центромъ Русской
рубежомъ.

Институтомъ издается военн
„ОСВѢДОМИТ

Зарубежные Высшіе во

профессора ген. Головина въ Бѣлградѣ.

Существуютъ съ 1931 года.

Имѣютъ цѣлью дать русскимъ офицерамъ, находящимся за рубежомъ, современное высшее военное образованіе.

При курсахъ имѣется отдѣленіе **заочнаго** преподаванія для живущихъ въ другихъ мѣстахъ.

Спеціальные курсы.

Открытые въ 1938 году Русскимъ военно-научнымъ институтомъ въ Бѣлградѣ съ отдѣленіями въ другихъ мѣстахъ.

Имѣютъ цѣлью подготовить офицеровъ на командныя должности по родамъ ройскъ.

Адресъ Института и Курсовъ: Бѣлградъ, — Господар Јованова, 45 — А. Н. Шуберскій.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

1) Русскій военно-научный институтъ въ Бѣлградѣ.
Господар Јованова, 45.

2) Военная секція Н. Т. С. Н. П.
Београд, Пошт. фах 781.